

СМЕНА

ФИЗКУЛЬТПАРАД
ФОТО И. ШАГИНА

8

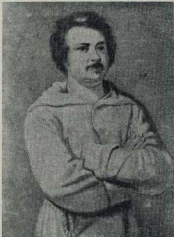
Из во ЦК ВКП/б/
ПРАВДА

Это было В АВГУСТЕ

Оноре де Бальзак

Восьмидесять пять лет назад, в ночь с 18 на 19 августа 1850 г., умер знаменитый французский писатель, один из создателей реалистического романа — Оноре де Бальзак.

Литературный путь Бальзака не был усези розами. Всю жизнь его сопровождала нужда, неудачи, крутые долги и творческие про-

Оноре де Бальзак.

валы. Он бы твердо уверен в своем таланте и не только не бросил литературную деятельность, но, наоборот, проявлял исключительную работоспособность и творческую плодотворность.

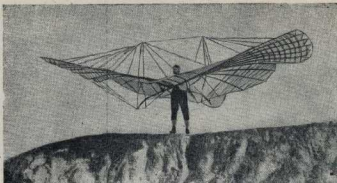
Грандиозный цикл его романов и повестей (около 100 произведений) получил название «Человеческой комедии». По идее Бальзака, «Человеческая комедия» должна была дать «картину правдоподобнейшей Франции, нарисовать жизнь всех сословий, всех общественных состояний. Бальзак в совершенстве изучил и описал городскую буржуазию, весь этот мир финансовых делов, биржевые спекулянтов и подпольщиков большого города — мошенников, смельчак, козотов. Младца денег и власти — вот главные пружины, приводящие в движение его героев.

Увидев себя в книгах Бальзака как в зеркале, буржуазия была возмущена и стала обвинять писателя в безнравственности и тлетворной вакханке на волеводе.

«Чтение Бальзака — вещь нездоровая и вредная. Валиние Бальзак на литературу так же плачевно, как и на нравы», — писала критик в известном французском слове Ларусса.

Реализм Бальзака оказался вредным для буржуазии. Пролетариат всего мира высоко ценит его замечательного писателя, с исключительной силой и мастерством показавшего разложение буржуазии.

Мы рекомендуем товарищам, не читавшим еще Бальзака, познакомиться хотя бы с следующим его романами: «Шагреневая кожа», «Отец Горю», «Утраченные иллюзии», «Евгения Гранде», «Сельвар Вирротто».

Ляланталь перед полетом на своем планере.

Первый планерист

9 августа 1896 г. при испытании новой модели планера трагически погиб отец современной авиации Отто Ляланталь.

Ляланталь первый практически подошел к изучению аэродинамически яма, действующим на крыло, и личным примером доказав возможность скользящего полета на крыльях.

После ряда опытов Ляланталь пришел к заключению, что для большей устойчивости планера в воздухе надо сделать две пары крыльев, одну над другой, и кроме того приделать к машине горизонтальный хвост. Построив такой прибор, он продолжал свои опыты, спускаясь с холма высотой в 15 метров.

Встретив вестер поднимал его иногда выше вершин. Пользуясь ружьем и балластом всем телом,

Ляланталь разнообразил движение в воздухе. Снизу казалось, что он летит свободно, как птица, куда захочет. Но на самом деле это был лишь планирующий полет. С 1896 г. Ляланталь начал спускаться даже с 80-метрового холма, пролетая над землей со скоростью бегущего человека. Он уже предугадал винтовой двигатель и своему планеру, как неожиданная катастрофа 9 августа оборвала его жизнь.

Аппарат Ляланталь на котором он совершал свои полеты, был привезен в Россию и хранится сейчас в Музее Военно-воздушной авиации им. Жуковского.

Он хранится в стране, где планерный спорт получил огромное развитие и планеристы завоевали ряд мировых рекордов.

„Барфоломеевская ночь“

В ночь с 23 на 24 августа 1572 г. в Аувр — резиденцию французского короля Карла IX — были вызваны старший парижский джон Шарро и его помощник Марсель. Там герцог Гиз, ближайший советник короля, предложил им вопрос, на какое количество парижских граждан мог бы рассчитывать король, если бы он нуждался в их помощи. Шарро обещал давать тысячу.

В тот период во Франции правдовали две партии: католики и гугеноты (французские протестанты). Последние под видом религиозного протеста выражали недо-

вольство королевской властью, требовали восстановления старых политических вольностей и конфирмации в их пользу герцогских земель.

В 1572 г. обе партии заключили между собой мир. В обеспечение этого мира сенат французского короля Карла IX должен был выдать залужу за вождя гугенотов Генриха Бурбона. Но это было лишь залужей для ссхаванки на свадьбу гугенотов.

В ночь под «святого Барфоломея» (с 23 на 24 августа) события развернулись с изумительной быстротой. Горожане ворота бы-

ли запорты. Католики с белыми крестами на шапках и белыми перьями на руках собрались под пороком лодочной таям и под непосредственным начальством герцога Гиза напали на вождя гугенотов. Он был зверски убит, а в выбросив из окон своей спальни. Около 3 часов утра ударила в набат. Католики устремились к заранее намеченным домам гугенотов. Завязалась уличная резня. В одном только Париже погибло около 2 тыс. человек. Кровавая бойня перекуляла в провинцию. Общее число жертв дошло до 30 тысяч, а по некоторым сообщениям, даже до 100 тысяч члм человек. Папа Григорий XIII пригрозил атаку войною, и католическое духовенство повсеместно служило благодарственным мессам.

Такова фактическая сторона одного из самых кровавых эпизодов религиозных войн XVII века, не известного под именем «Барфоломеевской ночи».

Разлетелся безоружный

23 августа 1915 г. 20 лет назад, в тагиде Иланово-Волгаская обграниця кровью. Толпа безоружных рабочих вышла на улицы просить хлеба у хозяев-фабрикантов и разбить вагончик, что был измучива и разорвала на. Эта толпа была зверски растрепана и избита. 30 убитых и свыше 50 раненых остались на мостовых Илановской жемчужины СДРП (большевиков) вышлута тогда пламенную листовку.

«Товарищи рабочие и солдаты! — гласила листовка. — Братство! Мировая война все разрастается да разрастается. Все, что есть только

целого, здорового и работоспособного, принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Листок слыши адов, спрут и мавриш. Голые инициативы, рачение и призово царят всюду... Но для чего же все это? Ведь война не была нужна ни немцам, ни буржуазии, ни французам. Он являлся лишь орудием борьбы — борьбы классовую, лишь одного врага — буржуазию. Так кому же была нужна война? Буржуазии. Эта война — борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке...»

Надо сместь всея палачи: от царя и министров до урядника, нарав на развалки деспотизма и надо на валовути звание свободы, мира и братства народов... Воззвание большевиков дошло до тех, кому оно было адресовано. Илановские рабочие не только не отсутствовали перед кровавым террором буржуазии, но еще шире развернули революционную борьбу.

Конец 15-го года и весь 16-й год отмечены упорной стачечной борьбой илановских рабочих. Количество стачек в 1915—1916 гг. превысило количество стачек бурного 1905 года.

31 стачка закончилась победой рабочих. 27 — частичной победой

„Барфоломеевская ночь“ (Франция XVI в.).

СЕДЬМОЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, заседал VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала.

В Колонном зале собрались самые смелые, самые твердые, самые последовательные революционеры из всех стран мира. Здесь русские и негры, французы и немцы. Здесь бойцы китайской красной армии и герои венских баррикад. Здесь храбрые испанцы, итальянцы, креолы. Здесь агитаторы, пропагандисты, руководители стачек — люди, не раз смотревшие смерти в лицо. Здесь те, кто сплачивает единый фронт трудящихся всего мира для борьбы против войны и фашизма; те, кто под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина идут в первых рядах борцов против капиталистического строя. Их объединяет единая цель революционной борьбы — коммунизм; их объединяет и воодушевляет величайшая преданность и

любовь к вождю мировой коммунистической партии — товарищу Сталину.

„У могилы Ленина ты дал клятву укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал, — и коммунисты всех стран в героической борьбе под твоим руководством претворяют эту клятву в жизнь...“ — пишут делегаты конгресса в своем письме товарищу Сталину.

Конгресс решил вопросы огромного, исторического значения: о задачах коммунистов в связи с подготовкой империалистами новой войны, о борьбе с фашизмом, о едином народном фронте против фашизма и войны.

Каждый молодой рабочий должен с величайшим вниманием изучать решения конгресса.

На нашем снимке: товарищи Кемпбелл, Сталин, Димитров в президиуме VII конгресса Коминтерна.

Нарма Шапшукова

Ф. КАНДЫБА

Нарма Шапшукова рассказывает о себе так:
«Придавать четыре года назад я родилась в станце Батагаевском, среди сельских степей. Дядюшка Мариню, мой отец, был белым казакм. Он был хлебопашцем и был братком и дотел был салодомом. Но так и умер, не дождавшись, покуда даст плод последний им небольшой садик.

Он умер, мой отец, вместе с матерью от страшной болезни, гунашей по нашим степям. Яйце даже не знаю, что это было за болезнь. Яйце только, что было мне от роду один год, когда я осталась сиротой вместе с моим трехлетним братом Очиром, слепым от рождения.

Нас с братом Очиром приютили родственники. Они были не только добрые, но и богатые люди. С ними здоровалось за руку казан-станичники, которые обычно с презрением почитывали на нас, казакмков.

В те времена наши степи назывались Областью войска доксого, а потомуте казакмки, которые жили в станицах в нашем Сальском округе, ютились наотшибе, на околицах, и было им имя: черная казакмкая кость».

Родил Нарма в семье с другим детьми. Там было много быстро как буйная степная трава, так росла, что обратила на себя внимание «добрых» родственников. Когда Нарма исполнилось пять лет, ей поручили пасти стадо гусей. Селый брат Нарма, который рос совсем пидло, тоже был приписаном к работе. Он обидра перья, перебирал шерсть, все делал, с чем могли управиться руки без помощи гала. Ему давали на каждый день грош. Не выполнив уроков, он не получал еды. Такие же уроки получала и Нарма.

Менялись работы, они становились все тяжелее. Но Нарма боролась за все покорно. Сидит только раз попробовала Нарма быт пепкорной: укусила до крови набивавшую ее тетку и убежала в степь.

Однако ноги нивозгоди, на котором поскакала ее развезывать, были быстрее ног девочки, а петья дала оказалась вретпе белым зубом Нарма. Нарма сморчалась и снова влезала за работу, безропотно заменяя мужчин, ушедших защищать царя от немцев.

Нарма видела земляков, приехавших с фронта без ног и рук, но с медалями. Сказала, что другие земляки никогда больше не вернутся с фронта. А что это была за война, за что и с кем воевали, Нарма не знала. Ей было некогда не работать. Спрашивать не рывалась: она помнила про мать.

Скоро вернулись домой brave утеры и ладие поручили на ролчей. Нарма стало еще тяжелей от этого. Учитель, пранорция и поручили не хотел браться за тяжелую работу. Он отделал и по-фронтовому подогнал Нарма и слепого Очира.

Потом brave эти воики исчезли и весной снова появились с воплями, напиваями и горькими на губах.

Хороша весна в сельских степях! Песни, вечерние пляски, дружеские пожатия рук и первая юношеская вожельность. Но это было не для

Нармы: она работала, она жила, чтобы служить богатым родственникам.

В эту весну в сельские степи пришла гражданская война. Она пригнала на тащивах, прискакала на конях красных повстанцев-партизан.

Нарма снова ушла в степь, как когда-то в детстве. Ушла на поиски партизанских отрядов, о которых с незнакомостью говорили те, кто нивидела она сама. Партизан Нарма знала около станиц, что называется теперь Преледтарской.

В отряде Нарма отгорелась и распрела. Она познакомилась с букарем и винтовой. В стрельбе успехи делала большие. Для грамоты оставалось мало времени.

Отряд вошел в Первую дождю казакмский пидол, что был под командой Хомутинова и Булаткина.

Двумя жизнями жила теперь Нарма. Одной — гневной, полной нежности и отважной до безумия — в бою. И другой — простой и ласковой, веселой и беззаботной — среди товарищей. Так было и в Донском казачьем полке, и в Первом казакмском кавалерийском ирми и был под началом у Семса Михайловича Бугенного.

Нарму в полку любили за простоту и открытость души, ценили в ней товарища, уважали за живость, любовь, доброту, товарищество. В полку почувствовала Нарма, как пахнет весняным степь. И без гнева, полной грудью стала дышать пыльным степным воздухом.

Здесь, в полку, и обрела свое теперешнее имя Шапшукова. Раньше ее звали Марией Маринюной, но она не любила этого имени, видя в нем память о расбском прошлом. Она с радостью оставила это имя и назвалась Нар-

Стала в'езжать в хутор Большой Уаановский. Но там была засада. Целый отряд белых поджидал, притягивая, покуда подойдут поближе красные казакмки.

А когда они подошли, белые лавиной бросились на казакмков.

Нарма с мужем была поодаль, в следующем оксареоне. Они выжили за поможю Осаденом. Когда подоскал, Осаденом уже задыкала. На него наседали шесть белогвардейцев...

Нарма забыла о себе, о муже, обо всем на свете: погуба старший командир. А она знала, что значит старший. Она выжила в самую гудю свалки...

Что было дальше, Нарма не помнит. Только командир остался жив и цел, а через три дня белогвардейцев скакали кони казакмков, знаменовавшие хутор.

Нет, не забыть Нарму Шапшуковой никому не да соратников. И никогда не забыть ее Алекму Стеценко, теперь директору большого совхоза, а тогда помощнику командира полка.

Под селом Султановым, в Староволовской губернии, белые окружали красных казакмков. Чтобы разорвать вражеское кольцо, Стеценко повел в атаку доксогов. Белые атаковали наперерез Алекму Стеценко: они хотели отрезать командира от его части.

Хорошие кони были в казакмском полку, но и у белых были неплохие. А самые лучшие были у Алекса Стеценко и нивиданного на него белого офицера. Они оказались вперед всех. Они на один. И стали рубиться на всем скаку. Кони, запылавшись, замедляли бег, а всадники продолжали биться с возрастающей яростью.

На поможю офицеру бросился с флага казак, расцвизав себе до рогот ударам шашин. Он мотла завезти в спину Алекса и поранить его. Но с другой стороны пробивалась в осадившем Нарма. Казак оксареда: Нарму, что тута Нарма была еще быстрее. Она кончила казала, замухнувшегося на Алекса Стеценко.

С офицером Стеценко «пранялся сам. Потеряв командира, белые смеивались. Кольцо, сложенное казакмков, ослабло. И Алекму Стеценко провала это ослабшее кольцо. Своим победой отряд был объявлен Нарме.

В день пятнадцатого годовщины Первой колной армии Нарма Шапшукова присела в огромной чудесной город — Москву. Здесь ее встретили белые соратники, постаревшие, но такие же добрые и веселые.

Здесь она впервые увидела Сталина и получила орден Красной звезды, которым ее наградили правительством.

Из Москвы Нарма возвращалась весной. Это весна была тридцать четвертая и самая счастливая в ее жизни. Нарма с улыбкой смотрела на родную степь, широкую, как дорога в будущее, бесстрадную как любовь и великой родины.

Подвиг Нармы Шапшуковой. С картинн худ. В. Свирого.

мой Шапшуковой, выйдя замуж за командира третьего оксарона своего полка Максима Шапшукова.

У станицы Усть-Медведевской красной казакмкой полк встретился с конницей генерала Коновалова. Белые отделили, красные наступали. В авангарде был отряд оксарона, а во главе оксарона — командир и любимец всего полка Осаденом.

— При таком ветре лучше французские спортсмены не рискуют подниматься в воздух...

Дерзкий летун

Рассказ Вис. САЯНОВА

Из прошлого

Рисунки В. ЩЕГЛОВА

С раннего утра к высокому бледнолицему Сахарову монастырскому домнику толпа народа. Церковь, разделенная высокой аркой на две неровные части, озаренная ярким, колеблющимся светом сотен лампад, как замок злодейский. У царских врат плах горь монахов, и в тени тоже был сумный отзвук тоски и надрыва.

Страшен какой-то пришибленный озлобленный был в этот день отец Иларион.

— Британские летатрасы, — говорила Иларион, — совершают публику арлецианам блудодейственным и постыдным. Они нарушают правило четырнадцатого Картэжского собора. Верно ли я говорю, православные? — спрашивал он.

— Верно, верно! — кричали снизу и с хором.

— Газет я не читаю: рук о них марать не хочу, но слышала я, будто какие-то полеты в небо будут совершаться в Царнице. Велючею это обращение душ христианских. Земля наша далека от других планет положена быть, до самой близкой из них не досажет. Божьей волею — места пустая, и постигнет жесть стивен та же участь, что стирательцы башни вавилонской. Единая лестница есть, небо и земля соединяет, — мать господна надите. Выходя по этой лестнице, мы сможем до неба достичь — до царства Божьего. Не ханте, молю вас, на бесовское это действо.

— Не пойдем!

Быков узнал о проповеди Илариона, вернувшись в гостиницу. Местные автомобильисты, пришедшие в гости к Быкову, рассказывали ему обо всем.

На другой день, рано утром, в гостиницу пришел странней человек: узколицый, худощавый, в косоротке, черных брюках и лаковых сапогах.

— Вы Быков? — спросил он, подергиваясь и пожимаясь подосно ко рту лосовой папюк.

— Я Быков.

— А вы не из евреев будете?

— А тебе зачем?

— Православный? — удивившись, вздохнул незнакомец. — Летать будешь?

— И летать буду.

— Так, так, — незнакомец высморкался и вытер платком бороду. — А в бога веруете?

— Вот что, — рассердился Быков, — ты мне прямо скажи, чего хочешь. Зачем пришел?

Незнакомец удивился:

— Яростный ты какой! К тебе по делу, а ты огонь и молнии мечешь как ваторяцкий. Я и тебе от самого. Он просил полет на день пережить: у нас работать православные будут у монастырской ограды — так вот, чтобы ты не летал в тот день.

— Да это ж не от меня зависит, чудак-человек. Билеты уже проданы.

Незнакомец задумался.

— Третьего дня стою это я у железнодорожной дуэмы.

Быков подился со стула.

— Отлично. Вот и еще подумай. А мне некогда. Меня люди ждут...

— Не платник ли он, сын Марии, брат Илариона. Исии, Иуды и Симона? — закричал незнакомец, наступая на Быкова и яростно размахивая руками. — Но здесь ли между нами сто сестры?

— Перестань, черт тебя возьми, или я тебя с лестницы спущу!

Голос его, пропитанный тонким, долго еще доносился из коридора. Какие-то люди окружили крикнув, и он долго рассказывал о словах Илариона, вавилонской башне и о проделанности приезжих летунов.

— Вот она — глубина России, — сказала Быков.

— Видите ли вы ее, господа французы?

Бортезляне Делье долго хохотал, когда узнал, о чем говорил с Быковым незнакомец. Делье только что приехал из Франции, где Быков обучался в авиационной школе Фарманна. Быкова дожидаемо вызвали в Россию козани, с которым авиатор был связан кабальным договором, не позволяющим совершить перелет в Россию, где предстояло совершить перелет в авиационной школе Фарманна.

Назавтра утром прибыл на вокзал авиатор. Быков решил не расставаться со своим «Фар-

маном»: в Царнице было много боек, грома, — что стоило им подлечь ангару?

«Фарман» привезли на ипподром. Ангар уже был готов. Быков и Делье поставили тут же, в ангаре, складные кровати и спали поочередно. На туалет, у входа, асфальт пугач.

Первая ночь прошла благополучно. Зато перед полетом, часу в третьем утра, возле ангара появились какие-то полдоростливые ребята, ажно руганные Быкова и всех летунов. Они бросали камни в ангар и хохотали подойти поближе, угрожая подлечь летчиков, но Делье выстрелял, и все разбежалось.

Быков спал плохо и проснулся усталый. Делье уже чистил мотор.

— Скорее! — спросил Быков.

— Через четыре часа.

Публика собиралась задолго до начала полетов.

— Проклятый город, — сказал Быков, — ни летуно было бы показывать через час со столовой ложке...

Провинциальные города России были похожи друг на друга: полеты в Царнице проходили примерно так же, как и в родном городе Быкова. Он сдвинул в этот день четыре полета, два раза поднимаясь с пассажирами.

Вечером в Общественном собрании устраивали банкет в честь приезжих авиаторов. Быков должен был оставить аэроплан и отпрыва на банкет одного Делье. На рассвете, когда Делье вернулся, Быков, протрудный и измученный бессонницей, поехал доложить в гостиницу. Следующий полет состоялся через два дня. Стор был большой, и импрессиона Родоничи, прикащик хозяйства Быкова, решил устроить еще один полет. Полет был назначен на воскресенье. Опять собралось много публики. Кто только ни было на ипподроме: — от боек до находившихся проездом в Царнице генерал-губернаторы!

— Ну-ка, бесприменно он жулики! — усжда бесплатных зрителей, стонувших возле ограды, мужчина в лаковых сапогах, входящий в ангар.

— А билет, — сказала Делье, выходя из ангара, — сегодня, пожалуй, летать не стоит. Сме-

трите, как треплет ветер флажок и как качаются ветки листв. Будет сильный ветер. Стоят ли рисковать? Отвечают полет.

— Подождем немного,— ствигла Быков.— В случае чего, я повторю с нашим импресарио.

Импресарио Родионич за полчаса до начала полетов прибыла в апар.

— Летим,— закричала он,— летим! Все места проданы!

Ветер услаивался.

— Придется отменить полет,— сказала Быков.— Того и глани «фармашук» сломаешь.

Родионич растеряно посмотрел на Быкова:

— Что вы? Ни в каком случае! Убавят, сй богу, убавят!

— А я не полечу, вот и все тут.

Родионич чуть не завылака:

— Да мысленное ли это дело? Чуть с публикой даваться будет.

— А если «фармашук» сломаю, лететь будет?

Это убедило Родионича— он вышел к началу беговой дорожки вместе с Быковым и, завкаясь, закричал наверх:

— Господа публики, но случает палой погоды полеты господина Быкова сегодня не состоится!

Весь инподром пришел в движение.

— Жулики, аферисты московские!— кричала в толпе.— Деньги обратно!

Напрасно импресарио старался перекирвать толпу: никто не помогал.

Быкову казалось, что пройдет еще минута, и вся толпа, залпованная инподром, ринется на аэроплан и разломает его на мелкие части.

Он подошел ближе к «Фармашу» и спиной прислонился к нему.

Полцимейстер, худой немковский старик в очках, похожий на учителя латинского языка в классической гимназии, подошел к Быкову и сокрушенно развел руками:

— Ничего не поделаешь, придется лететь.

— Но ведь это же неслепе. При таком ветре лучшие французские спортсмены не рискуют подняться на воздух.

— Это уж ваше дело. Если не можете алетать во время ветра, нечего устраивать такие сборища.

— Вы учите, а сами ничего не понимаете в авиации.

— Что?— угрожающе спросил полцимейстер.

— Ну-ка, полети, полети по своей лестнице со ступенями на ступеньки!— закричала давешней гостиничной измаковке, размазавшая кулаками и ползевшая на песок.

— Лети, лети!— неистовствовали в толпе. Звонили, трости, шпалы валились в воду.

Городские осливажи особенно взволнованным зрители.

— Летите!— сердито повторил полцимейстер.

— А если разобьется?— спросил Быков.

— Это меня не касается.

Быков подумал несколько минут.

— Знаешь, Дельс,— сказал он,— выгода нет, придется лететь.

— Но ведь это же безумие...

— Ничего не поделаешь. Объясватель русским,— он долго подбирая слова и все-таки никак не смог объяснить Дельс, что такое объясватель,— он денгам снет любит. Раз дело до этого кровавого похода, он не проклетит. А чорт—варт рассердился он и пошел к аэроплану.

— Полети, полети!— дразнала все тот же гость из монастырского подворья.— Полетить по ступенькам вина— рефер не сосчиташь...

Никогда еще в жизни не было у Быкова такого трудного положения. Полет, который предстоит совершить, исключительно опасен. Толпа, собравшаяся на инподrome, радостно приветствовала Быкова и впервые для полостей: подносил цветы, угощала шампанским, говоривая речи. Вечра он еще был горем. Его портреты продавали газетчики, его воспоминания, начатые в «Отговке», читали вслух на инподrome. Подоспели авиации доклады, что даже замалыа знаменитого летуна свидетельствует о его немыворной силе. Вечра, во время удачного полета, этого жалкого в лавочных сапогах, наговарывавшего беду, лежачий на обеда в лучшие дома города— получала Быков за последние дни. Вечра еще самое имя его означало смелость, и знаменитые царские босые, эти охотыдеи ценники, превращившие весь мир, встречали Быкова радостно и дружелюбно. Разбейся он вечра— и многие плавали бы и позором устроили бы пинание, а надгробной памятник сделали бы из самого дорогого мрамора. Обыватели удивляло вечра все: и то, что аэроплан летает, и повороты, и спуск, и подъем, и величина крыльев, и громоздкая работа мотора. Вечра, когда ли подмалася вверх, тысячи глаз следили за движениями аэроплана. Быков был для всех человеком другого, непонятого, аышего мира.

Сегодня все изменилось.

— Ветер? Но разве это сильный ветер?— рассудили зрители.

Объяснение Быкова казалось им несерьезным, авдорным. Вечерний герой превратился вдруг в обыкновенного жулика, тыдети акалей смеялся на его движениях не в любовь и работ, как вечра, а с тайным злорадством. Многим хотелось даже, чтобы ветер уснался. Слова инподромского брата в лавочных сапогах подхватывались многими. Полцимейстер глядел умбласа, глядя, как Дельс запускает мотор. Точно так же несколько месяцев назад полцимейстер заставлял выступить заблужденного лауина в цирке. Нескольким зрителям показалось, что Быков отгнивает полет. Это разволновало их: ведь уже пять часов— скоро начнет смеряться.

— Поторапливайся!— закричали они.

Быков вылез за руль. Он слышал крики толпы, но старался не оглядываться назад. Шел его плавались кровью. В идее и он готов был выжить за аэроплана и избить первого встречного.

Мотор затрещал всемо и горлопано.

Впервые в жизни Быкову стало страшно лететь: его кудал бессмысленности предстоящего полета. Он был уверен, что полет кончится асломом. Он думал так, пока аэроплан не победил по дорожке. Но стоило оторваться от земли— сразу же забвела о публике, едальной гамбке полцимейстера, неподвижных глазах брата в лавочных сапогах, о раздравленных, свирепых босах. Он поднимался все выше и выше. Вину уже перелетала вправо, вправо, он и не усамалась бы сейчас нечего.

Он алетал, успокаиваясь и думая только о машине. Стаю темнеть, выроста каляя-то муть барвадет при глывании, и неслая уже было разглядеть ни крыльев, ни руля.

Он пошел в облако.

И вдруг ему показалоось, что он застрял в этом облаке, стоит на месте и теперь уже не сможет вылететь из магнетной, спольной как кода уже постепенно обволакивающей муть. Неизменно пропало ощущение времени. Начало казаться, что он стоит в этом облаке, не двигаясь с места, уже больше часа.

Была минута, когда заволокло вдруг илустить руль, раставиться в этой обложкающей мутью, оттокуду наступающей мглы и уасть вина, на инподrome, перелопенный праздными зеваками и врагами. Но в эту же минуту вдруг встал перед ним в димном тумане Россия такой, какой ее можно видеть с высоты: южные пригорские города, северные туманные откосы, могучие реки и несмелые подмосковные увылы, алади, котырки аюбия и, странно, почему именно он— русский беломосковский Ба на Быков— даже не увидеа все это, а почувствовал, словно ненадогад заснул, и в ту же минуту увидеа крылья аэроплана: только остальде инподром. Он посмотрел и не смог разглядеть инподром. В сумерках, в полусвете, дрогнув, пропалаа город.

Где-то вдалеке свернулаа отовен.

Быков алетал прямо и только через несколько минут понял, что удаляется от Царькина.

Ветер ослабел. Нужно было думать о спуске.

Быков посмотрел вниз, увидеа поле, на котором горелаа кюстри, и решил, что это—лучшее место для спуска. Он начал медленно— ступенями спускаться.

Земля торчала анейвостью и геометрическую правильность уюгов. Варт выростаа деревья, телеграфные столбы, пригорки и насыпи. Земля приобрела третье измерение.

«Фармашук» побжало по земле. Чорт возьми, он удачно спускался!

Отговсуду бежалаа бабы и мужики, весело покрывиваяа о чем-то споря...

— Откуда вы? Как долетели?

Быков слез с аэроплана и приурурился. Он не понимал еще всей полноты случившегося.

Тогда полет во время составления был бы провалом газетам, но Быков не думал об этом. Он знал только одно: опасность миновала. Достал папиросу и закурил...

Отговсуду бежалаа бабы и мужики весело покрывиваяа о чем-то споря...

...Прямо под ней лежала цель, и которой я добрался «вслепую».

ТВЕРДЫЙ ПОЧЕРК

Очерк С. ДИКОВСКОГО, фото Г. ИВАНОВА

С земей это кажется просто: наполненное ветром высокое небо, башни, мачты и крылатое слово, падающее над столицей. Сорняк восемь самолетов «Р-5». Шесть букв, написанных ровным и твердым почерком наших летчиков. И все.

Так говорится. А пишется много труднее. В N-ском авиосоединении нет «ассов», «хорошей погоды», веробатов, для которых ничего вроде крупола ширва. Здесь мастерство подчинено дисциплине, и каждая мертвая петля, «иммелман» или «бочка» давно предсудителены в штабе.

Фигурный полет огромной массы самолетов над городом, вдали от площадок—свидетельство исключительной надежности машин и людей.

Мастера фигурного полета—это прежде всего мастера пилотажа, разведки, бомбометания, истребительской авиации.

Есть упражнения, лишенные внешнего блеска, которые не увидишь на торжествах и парадах.

Пассажиры пригородных поездов видят иногда над землей одинокий самолет. Путь этой машины исключительно прян: ни горки, ни пикирования, ни зыряния. Она утюжит воздух как радостный почтовый самолет. Кажется, что нет ничего легче такого полета. Но если бы зритель мог заглянуть в самолет сверху, его удивило бы необычное зрелище: в машине сидит, не притрагиваясь к управлению, летчик-наблюдатель. Пилота не видно. Там, где высматривается обычно его кожаный шлем, находится широкий брезентовый колок.

Закранный колоком пилот ведет машину «вслепую». Он не видит ни солнца, ни облаков, ни береговых роств, ни реки. Ночь или день, луна или солнце—для него безразлично. Пространство потеряно. Он живет в мире деланий и стрелок. Перед ним 12 приборов, но внимания летчика сосредоточено на четырех ос-

новках: «Пилнер» отмечает повороты и крен, «Сафос»—скорость, альтиметр—высоту, компас—курс.

Здесь можно верить только приборам. Органам верить невозможно. Даже чувство равновесия покидает летчика, закрытого коломом. Он спокоен, ему кажется, что крылья машины строго параллельны земле, а на самом деле самолет валится на бок... Чувство подсказывает, что самолет как будто бы ползает в гору, а стрелка альтиметра показывает прежнюю высоту.

Так, под коломом, не отрываясь от стрелок, летчик Хрустаев летел однажды шесть часов. Когда наблюдатель поднял колок,—вспоминает теперь Хрустаев,—я удивился. Прямо под мной лежала цель, к которой я добрался «вслепую». Я почувствовал огромное облегчение и одновременно сильную усталость. Ничто так не утомляет летчика, как непрерывное напряженное наблюдение за приборами. Но и ничто не может быть лучшей проверкой квалификации летчика!

Когда колок стрит и рядом видят товарищи, летчик может выравнять машину, не заглядывая на приборы. Он чувствует скорость машины, воздушные потоки и ямы, он соразмеряет движение самолета с другими машинами. А тут лишь стрелки повисают, вздрагивают, цокают нервно... Легче пролететь шесть часов в открытой машине, чем пару часов под коломом...

Чем выше искусство летчика, тем спокойнее ведут себя стрелки приборов. И только тот, кто властно и точно ведет самолет в облаках, в снегопад, дождь и туман,—только тот сумеет безупречно «адекватно» адекват шагу в строю над столицей.

У летчиков N-ского авиосоединения прекрасный почерк. Легко, уверенно и свободно вы-

писывают они на небе слова и фигуры. Это твердый почерк людей, для которых вовсе не существует неслучайной погоды. Непробиваемая глазом гаузия осенняя ночь, когда и на земле не хочется выйти на улицу, для летчиков—отличная обстановка дальнего рейда. Густые грозные облака—незаменимая маскировка.

Туман, ветер, мороз, дождь—завидные условия тренировок. Гигие, ясные дни здесь не в почете: легко летать.

Аэродром жмет в любую погоду. Все, что ослабляет или затрудняет полет, не озадачивает, а вызывает новый прилив энергии у командиров. Если нет затруднений, их выдумывают. Вылет так:

Молодой командир выводит свой отряд в чудесный солнечный день, а в воздухе наблюдатель передает ему пакет с вводной задачей. Окажется, день вовсе не солнечный и не чудесный. И мнение не видно, и условные облака прижимают самолет к земле, и зенитная артиллерия будто бы летит из береговой рощи.

Командир забрывает выше: он решает подкрасить к протинку за облаками. Отряд уже близок к цели, как вдруг наблюдатель снова передает командиру пакет. Навстречу летят условные истребители. Надо снова менять решение и менять маневренность, ибо скорость истребителей—400 километров в час.

Час для летчика-истребителя—величина огромная. Это половина расстояния Харьков—Москва. Каждая секунда для хорошего самолета—это сто метров. Поэтому в N-ском авиосоединении секундометр и в воздухе и на старте в особом почете.

Недавно представителями дружественной нам страны осматривали аэродром, где рядом стояли машины.

— Когда сможете подняться последний раз?—спросил один из гостей.

Командир авиачеты, улыбаясь, поправил: «Последний и первый ряд, вы хотите сказать?»

— Да... Все авиачета поднимается сразу. Стартер взмахнул флажком, и гости увидели могучее зрелище. Вслед за первым рядом ринулась еще огромная стая. Набирая скорость, машины нырнули по полосу, отделив друг от друга десятками метров. Малейшая неустойчивость, несправность мотора — и надвиге создания могли бы изрубить винтами головные машины. Но так и не было точности летчика и безопасности моторов, что через несколько секунд все самолеты, точно связанные за крылья канатами, уже висели в воздухе...

Вчера 1-е июля авиосоединения получило приказ. Предлагалось вынести на воздушный парад часть самолетов. Как вынести, что показать, — точно не говорилось, но подразумевалось, что, расписавшись над столицей, летчики должны на небе не оставаться.

В тот же час мастера авиачеты кавалерии собрались у командира соединения тов. Ионова.

Пришел маленький насланный Миттевальд — главный и авторитетный командир авиачеты, человек, которого революция выгнала из авиационного гетто.

Пришел полкапитан Черевяков — молчаливый, сутулый, с уставыми глазами и юношеской улыбкой, смягчающей суровость худого лица.

Пришел бывший гучучин — командир отряда Москва, который только вчера ночью отлично разбил усювского противника.

Хозяева грозных машин ворочательно смотрят на лист чистой бумаги, изображающий небо столицы. Что же написать на нем завтра? СССР? Нет, эти буквы, уже прочая на прошлом параде миллионами людей. Составить звезду? Но и она, вымывая общее восприятие, недавно пала над столицей.

Тогда командир взял карандаш и написал слово, о котором уже подумал каждый:

СТАЛИН

Высокая честь написать это слово над праздничным городом обаяла как особенной точности. Нужно было написать так, чтобы слово лежало в небе как высеченное, чтобы ни одна из букв, летящих со скоростью 120 — 130 километров, не вырвалась и не отстала от крылатых соседей.

Прежде чем расписать над столицей, летчики проверили твердость руги на бумажном небе аэродром. Это походило на обычное тактическое занятие. Только вместо карты наземный штаб развернул на траве ленту бумаги с переворнутой надписью. Каждая буква была составлена из чередующихся отпечатков винта самолета машины, и возле каждой отпечатка стояла фамилия летчика.

Сначала не выходило. Ветер не во время нагнал переплывающие низкие облака. Машины пришло к земле. Последние буквы изрядно болтались.

Тут же, на траве, возле машин, был предан урок авиачетой кавалерии, и летчикам предлагалось было выправить поперек. Командир соединения одобрил только две первые буквы.

— Хорошо летали, — сказал он, расстегивая шлем, — так бы всем другим.

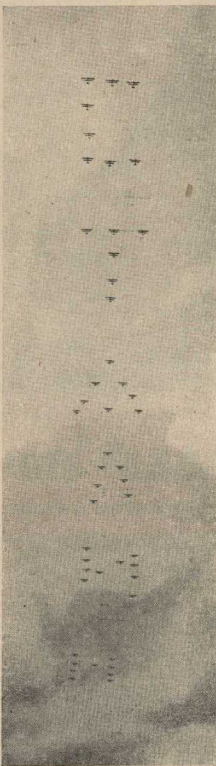
Впрочем, и эта оценка показалась командиром слишком щедрой.

— Можно сказать, удовлетворительно слетали, — сказал он более строго, — предлаваю повторить... Развзачет.

И вот мы летим вдоль шоссе на Москву. Там, на Красной площади, уже ждут. Уже потаиваются на небо — не показываясь ли между бабей Исторического музея знаковая стая?

Идем обычным журавлиным строем. Впереди, в буре «С», командир соединения — один из старейших летчиков осенней авиации.

тов. Ионов. За двадцать лет он перепробовал все машины, начиная от древнего «Фармана» и кончая новейшими истребителями. Если сложить все часы, налетанные Ионовым, окажется, что командир пролежал в воздухе беспрерывно три с половиной месяца.

Шесть гренажеров, поющих стрелительных буги несутся над городом.

Впрочем, сейчас командирской машины не видно. Не различить, где начальники буги, где рядовые машины. Будущие воздушные буги еще разомынуты. Они даже не угадываются в широком строю. И только когда вдаль покажется затянута голубой дымкой Москва, командир идет сигнала.

Время строить крылатое слово. Уже выгнули крылые спины агитатор, уже тапуют на встречу мачты радиостанций и по-городскому дымятся стая в воздух.

Строй вадру ломается. Сты машины вырываются вперед, другие замедляют движение, остальные круто поворачивают в сторону.

На глазах пригорода на несколько секунд рождается слово. Крылатые буги выравниваются в затамок друг другу. Вот выпрямился и затвердело «С», уторгивая в сторону дуги вправо. Буги оторвались вперед перекладки на «А». Нет отрядов и звеньев. Теперь 48 машин — одно слово, высеченное в шине.

С земли кажется, что самолеты идут крылом к крылу, без просвета, в одной плоскости. Это обман зрения, вызванный отсутствием перспективы. На самом деле буквы движутся шестью огромными ступенями, вершина которых «С». Больше того, каждая буква построена в несколько этажей. Плотность слоев, скорость воздушные нисы, ветер, поддувающий под крыло, не позволяют машинам двигаться в одной плоскости.

Словозаменяющий диск пропелера видна в воздухе машина. Четко вырисовывается, она висит немoving выше нас. Всеминами мы «наблюдаем» ей на левост, и тогда Хрусталева, внаем газ, придерживает самолет.

Заднее самолета не видно. Он у нас под левостом. Зато слово над нами висит для толстых комлекса, кусок фюзеляжа и костьля, на котором болтается пушистый колок сна — память о вчерашнем сопоске на аэродроме.

Хорошо идти строем над степью, где воздух струится лениво и широко. Нисе дело — над московскими газмами и перекладки. Да еще утром. Да еще в солнечный ветренный день. Над рекой или прудом, где небо изрыто воздушными амамы, колеса нашего соседа вдруг падают точно, точно летит огромная стая, которая крила, но и мы высад за соседом проваливаемся в ту же яму.

Дороги, шоссе, железнодорожные линии, тропы, аллеи сбегаются вправо страны. Ляры свернула на солдце Москвы реки. Сегодня вода холодной, и окрестности города — роции, луга, берега озер и прудов — юным отмахиваются.

Пропамя чудесный зеленый остров — Петровский парк, поляны прохлады и тени. Широко раскинулись летучие стальные кони, что слышались и дорожки пока шумят. Сегодня стадион выше Москвы — Красная площадь.

Физкультурники, шагающим по дню каменной чаши Красной площади, куда летят держат ногу чуж нам. Воздух над городом, нагретый асфальтом, железом, изменен могучими заводами, полон им и скрытых течений. И если бы можно было сфотографировать воздух, мы увидели бы призрачные улыбки, ручьи, мертвую зябрь, водопады и горы, вечно движущиеся над Москвой.

Нас увидели, нас читают. Шесть гренажеров поющих стрелительных буги несутся над городом. Нам что-то кричат. Мы не слышим Москвы, но видим вселенский шотот, аюющийся через площадь, ухватываем тычки поднятых рук и лица людей, обращенные к крылатому слову.

Вероятно, с площади кажется, что буквы неподвижны. Но здесь, на высоте в полкилометра, замечается неуловимые с земли легкие колебания крыльев. Так коммания на земле в такт шагам неистощенных птиц.

Грехом, редко слышим в воздушном голос летящего, привыкшего к крылатому бугам то подтаиваются, то отстает. Люди летаются, они верят в мотор, в искусство товарища, высидеть почти на ладках. И там, где переполняющийся видит только похвальные самолета, поворот голым или подвздутой ладон, летчик читает указания, не допускающие иных толкований.

Красная площадь — единственное место, над которым налетает, почему самолеты не могут двигаться в трехмерном и летчикам, которые отворачиваясь от вселенственной каменной чаши, наполненной вепием молодости.

Но моторы не считаются с металлом. Секунда, другая — Кремль оттолкнулся, повернулся другим бугам, отторгившись рекой и вадру наизура под колесо соседнего самолета.

Снова поля, наполненные тонкой типинной, и это ее ошущаешь даже сквозь рез пропеллера. Буги расписаны, машины слышатся в трехмерном и летчикам, которые вступившись на бабей, слышатся разгладеть крылатую звезду, летящую сейчас над столицей.

Баллада о двух товарищах

Александр Шарапов

Рис. Н. Аввакумова

Высокие сосны шумят над рекой,
Опущали корни курган.
На берег зеленый, на берег крутой
Плывет по образу туман.
Хранит от дождей, от ветров стерегут
Высокие сосны курган.
Лежат под курганом, на том берегу,
Товарищи Клим и Ля.
Идут каруном год-пятью
Снежает зарю зари.

Работал в полесском полковом Клим,
Был польским солдатом Ля,
Один был как облаком легким умит,
Другой был утром и весел.
Один шел последней тропой из тюрмы,
Другой его шел на расстрел.

На лавах у сосен пела восход,
Двигалась у ног река.
На берег пришел белополюский взвод
Расстреливать большевика,
Высокие зори ронял небосклон
На росные травы поляни.
Защелкала затворами польский взвод,
Щелкала затвором Ля.

Он думал: «С Полесья, значит, земля...»
— Кончай! — это крикнул сержант.
И Клим улыбнулся, как пахнет земля,
И заступ в руках дрожал,
И русые кудри спалдан на лоб,
А рядом с ним думал Ля:
«С Полесья такой же, как я, хлебороб,
Крестьянин такой же, как я.»

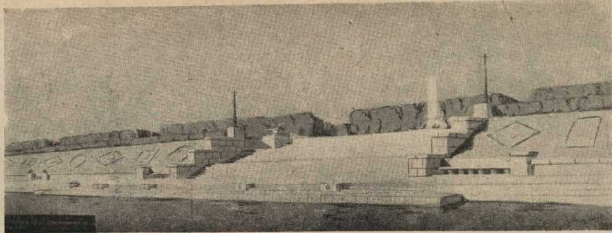
Кланями падал на заступ пот,
Но встал Клим суров и прям.
Застыла недвижно белополюский взвод
И вместе со взводом Ля,
От берега, с запада, ветер подул,
Полила пожелтевший лист,
Блеснула на солнце двенадцать дуг,
Одно опустало зинь.

Метнулася русая прядь на ветру,
И брызнула кровь на песок:
Вздохнула от оранином приклами ру
Шагнула и упала на восток.
Казалось, под блеском смертельных дуг
Он солнца приветствовал свет.
Казалось, мету он как дерь распахнул
В грядущую радость лет.

— Спасибо, — перчаткой сержант махнул,
От глаз отрывая бинокль.
Склонившись к долу двенадцать дуг,
Блеснуло на солнце одно.

И гулом на выстрел откатнулся дол,
И вздох вздохнула река.
Но врезалась пуля в основной ствол,
Забьсь лишь сержанта рука,
Лайкой лосылась перчатка у ног.
Шагнула он, как камень бед,
И выдохнула глухо слово одно,
Холодное слово: «Расстрель»

Легая на высоком крутом берегу
Товарищи Клим и Ля.
Я слышу как салют о них беруг.
Как песню грядущия днй.

Такой будет Дорогомиловская набережная.

ОТПЛЫТИЕ В БУДУЩЕЕ

Очерк Н. АТАРОВА

...Препарируя набережную Мясницкого-реки в настоящее время выстраивают грандиозный с обводою берега реки грандиозный и украшением являющийся набережная набережная — там же обводою на все на протяжении десятилетия.

...И строительство СНК СССР и ЦК ВКП(б) О генеральном плане реконструкции города Москвы.

Мим упали на самый край города и возвратились, когда наступил ветер и из встречных парюдаха загорались сигнальные огни.

Нас было в лодке трое: я налегала на весла, мой товарищ вслух читал газету, наша слушница оглядывала в бинокль берега и перечисляла все, что успевала там увидеть. Такое распределение занятий, конечно, могло бы показаться удивительным и непонятным, но только не в тот день.

В тот день мы встретили на реке еще несколько компаний. И там тоже грелись, читали газеты и всматривались в берега.

Обводенная прогулка на веслах вина по Москве-реке обернулась чудесным путешествием в Город Будущего.

— Асфальт. Колодезь. Ступа фонтана. Шест летым на бульваре. Асфальт. Выпуклые зеркала прудов. Изнавшие девушки и юрмариорного дворца. Стадионы. Гранит. Эстакады. Шпильки напугив и правительствования по переделке Москвы, о том, какой будет столица Союза спустя одно десятилетие.

Мы читали газету, поминчиваясь на волне, и перед нами вставала ночная архитектура застроенной Москвы: дома, наполовине спявшие, испопаля ограда садов, прожектора над рекой...

Широкие бульвары, скользящие к центру, протегнувший город (мы уже вслушивались в баритональный тембр ветра в кронах деревьев). Вода освещала город, — мы слышали плеск волны о днища лодок у приставей. Тралей бусы плурали по асфальтированным магистральям мимо чудесных дворцов...

Мы грели и грели вина по реке, удавлившись всего на два километра от центра. Лодка плыла мимо товарных приставей, угольных складов, мизов фабричных сваялов. Мы уславились так: говорить о Городе Будущего в настоящее время, а все, что в действительности окружало нас, как бы с трудом вспомнить, словно далекое прошлое.

Так началась необычайно увлекательная игра. Пустая фраза вроде «Здесь раньше нельзя было проехать по берегу» наполнялась глубоким смыслом, потому что нам, действительно, видным непростыми, загороженными берега и ту же молниеносно, как может строить только воображение, воздвигали гранитные набережные, пускали по ним автомобили, вращивали стройные деревья, поднимали десятиэтажные дома...

— А здесь стояла в те времена неприглядная лачуга...

(Аспидного цвета лачуга и в самом деле стояла на берегу. И кто-то жил в ней).

— Здесь сошло балье на веревках.

(И это было верно: сошло балье).

— Вода на реке ниже Спасного моста была очень грязная. Вся в мазуте...

Вода, действительно, была грязная, в жирных пятнах, ее не освещала и дождь. Он про-

плескал над нами в свете вечерней зари ослепительной походкой, скользила над Кремлем не потогна маювок церквей, над мостами, и: прерыва уличного движения, и удалялись, ничего не изменив на реке.

Когда мы оглядывались назад, река, медленно заворачивавшая в синих берегах, казалась нам широкой безлодной ушней, и это тоже было верно: река была ушней. Ее ушарили у Москвы старье, безловоное от жалости клязье, — кунцы и залодчики.

Венами Москвы поворачивали к реке тьлом. Город спускался к воде только в лодочной каске, да с ведром водовоза. Река разливалась весной в топях. Народ отжимался на крышах и сочинял себе тощые адреса: Аулпигни, Суевью Вологду, Канава.

Через, кто подумал о Москве-реке, был тот, кто зывала в жизни и Магитогорский завод, и Белооморский канал, и метрополитен. Три года назад товарищ Сталин уаваал архитектором на необычные московские набережные. Вознаоленные его словами, возглавляемые тт. Кагановичем и Хрущевым, явились за работу архитекторы, проектировщики, художники, инженеры, строители.

И вот город поворачивается к реке лицом. Завтра город придет к реке.

Новый Арбат выйдет на реку у ее широкого поворота, в том месте, откуда так хорошо будут видны и Краснопресненский парк и Дорогомиловская набережная, ее с грандиозной шириной в сто двадцать метров, с ее аллеями, велосипедными дорожками, автострадой, спортивными площадками.

Парашисткам Ане Шиммаровой и Гале Паскедик

РОДНЫЕ ДОЧЕРИ СТРАНЫ

Стихи Александра ЖАРОВА

По многу, по одной и по две,
Бодры, уверенны, стройны! —
Спокойным мужеством полны —
Выходят запросто на поляны
Родные дочери страны.

Две девушки без напуган
Ранельно прыгнули с постелей.

В руках — костюм, берет, пальто.
На улице гудит авто.
Дорога до аэродрома.
Готовый самолет.

Мы дома!

— Мы нацеху! Мы на посту!
И плавно скрмались в высоту.

Две девушки — знамя, проты...
К прыжку готовы. Прыгать скорю
С непобедимой высоты
Без кислородного прибора.

Ушло совершен прыжок.
Плавнруют короткий срок.
Спокойно все. Земля видна.
И — высота побеждена.

Земля гудит: привет, ура!
— С большой победой поздравляете!

А девушки
В ольну итывали —
К автобусу... — Паря, паря!
Не опавшая бы... на футбол...
Автобус к горелу пошел...

Спокойно, трогательно — просто,
Высоким мужеством полны,
Бодры, уверенны, стройны —
Несут героизм в уюство
Родные дочери страны.

Бородинский мост, единственный из старых мостов, выдержавший проверку, выведет старый, но тоже реконструированный Арбат к новой площади у Киевского вокзала.

Проект Ленина, берущий начало от центра, пройдя мимо Дворца советов, пересечет на высокой автостанции Аудиенция, направляется к реке. Сегодня за высокой насыпью Окружной железной дороги — огороды и сады. Завтра, придвинутые над рекой, Аудиенция станут прекрасным, здоровым районом города.

Главная магистраль стоицм пройдет отсюда по новому мосту к Ленинским горам, на югозапад, по главной оси развития Большой Москвы.

Бульварное кольцо «А» тоже пересечет реку и переберется в Замоскворечье.

Весь этот железобетонный строй городских мостов, начиная с Крымского и кончая мостом Окружной дороги, на протяжении десятков километров будет сменен новыми, совершенными мостами. Они будут привлекать не только соединять между собой городские районы, но и украшать реку. Некоторые из старых мостов будут придвинуты и лишь временно сохранены.

Речные пристани, высеченные в граните, будут так же часты, как сейчас трамвайные остановки...

Несколько десятков километров набережных станут золотым фондом Москвы — кварталам здоровья, сил и красоты.

Как много усилий это потребует, какие замечательные люди воспитают грандиозная эта работа, — об это мы еще не думали. Мы плали мимо разных районов города, и как только слабенькая волна от нашей лодки, казавшаяся нам, достигала берегов, они преобразивались.

Зарядье рухнуло и стало пшаво — пшаво белых стен и башен, поросших деревьями, пшаво древней штукатурки. И вдруг на высоком обожженном холме белое Зарядье сложилось, как грани кристалла, стройные корпусы Дома тяжелой промышленности. Зеленый сад сбегал по склонам холма к набережной и оцепил ее тяжелыми глыбками ветвями.

За Устьинским мостом река поубереа у левого берега. Так мы заметили место впадения Юзун. Этой речушке не повезло в старой Москве. Ее обступили заводы, фабрики. Пять шестых ее воды используют промышленность Юзун кипит в котлах, охлаждает резцы станков.

В Большой Москве с берегов рек будут сняты десятки предприятий. В северной части города, от Химкинского водохранилища придет канал, который наполнит Юзун свежей волжской водой. Реку расширят до двадцати—двадцати пяти метров и уже к 1939 г. на протяжении двадцати километров оденут в гранит.

Теперь мы плыли в одном из главных районов реконструируемой реки. Справа от нас тянулась развороченная земляемколы, изрезанная строительными траншеями. Причалная набережная Саева Котельнической набережной была уже обложена гранитом. Здесь выдвигут здания Академии литературы, Наркомлеспрома, Дом Наркомата пищевой промышленности и комплекс жилых домов...

Заводы будут похожи на дворцы. Так будет выглядеть Фрунзенский теплоэлектростанция.

Проект жилого дома (авторы—архитекторы Н. Гуревич и И. Рыбченко).

Смеркалось. Мы возвращались обратно. Было трудно грести против течения. Мы сменились в весла.

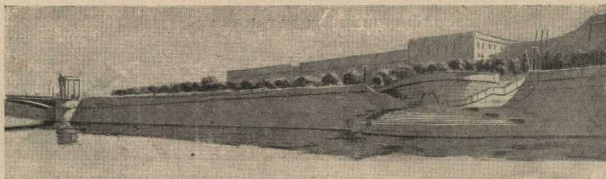
Тульская набережная. Даниловская. Трава и лесок. Трава и кирпич. Трава и железо...

Река здесь пахла металлом в те времена — продолжая игру, заметила наша спутница. Но игра кончилась. Великие предстоящих ра-

бот волновало нас. И гордость переполняла сердца.

Нам, молодым, предстояло строить эти чудесные берега, этот великий и прекрасный город — столицу коммунистического человека!

Мы вскинули весла и одним броском погрузили их в воду. Лодка рванулась вперед — Дружите, ребята! Песню!

Будущая Ростовская набережная (автор—архитектор-художник И. Фивенца).

Вашей памяти

О. ПЯТНИКОВ

Героика революции

Из прочитанного мной в юношеском периоде в памяти остались три книжки. Они были неслучайны и попали ко мне в руки случайно. Это «Андрей Кожухов» Стеньки Кравчицкого, небольшая книжечка о Парнасской коммуне (автора сейчас не помню) и «Аларга» «Право на жизнь». Эти книги я читал в ранние годы, и впечатления от каждой были разными.

«Андрей Кожухов» читал, когда мне было двенадцать—семнадцать лет. Эта книжка бурно захватила меня. Я ее читал по ночам. С трудом я мог дожидаться ночи, когда можно было продолжать чтение. Это было беллетристическое, ибо в мастерской, где я работал учеником, рабочий день длился 12—16 часов. В те годы я слышал о революционерах, об их собраниях, провалах и т. д., но толком о революционной борьбе в России я ничего не знал. Роман «Андрей Кожухов» дал мне первое представление о характере борьбы, которая происходила в России. Пословую я припомню, меня привлекала в этой книжке не столько о методика революционной борьбы, а сама борьба и то, что люди целую неделю посвящали революционному делу, их преданность делу революции, их способность, их способность выдерживать товарищам, когда этого требуют интересы борьбы. Особенно заглянула меня характер их конспиративной работы. Долгое время я был под влиянием этой книги. Я буквально боялся за гонимые ее герои.

Позже, когда мне самому пришлось действовать на то, что делали герои Стеньки Кравчицкого, мне пришлось пережить границу, перевести литературу, когда я сам убеждался, что делать все это не так легко, а по-настоящему надо проявлять целевую активность, с которой изображаются эти моменты в «Андрее Кожухове». Но и это не могло ни в какой мере ослабить того первого впечатления, которое произвела на меня эта книга.

Вторая книга, как я уже сказала, была о Парнасской коммуне. Она содержала в себе краткое изложение о рождении Парнасской коммуны, описание борьбы коммуны с царскими и их оккупатором, а также эпизод с некоторыми участниками коммуны, которые были заключены в тюрьму на берегу реки и оттуда бежали. Описание побега из тюрьмы и судьбы бежавших мне понравилась больше всего в этой книге.

Период в 1897 г. мне полюбилась книжка Пала Лаврова «Право на жизнь». Эта книжка была типично марксистской. Она была тогда известна рабочим и читалась на небольших собраниях. Эта книжка повлияла на мое революционное оформление. Я помню все слова споров, которые вызвала в читателях этой книжки в кружке. У меня в памяти осталась одна спор, разгоревшийся в связи с чтением этой книжки, — спор о неизбежности революционной войны даже в условиях незначительности периодических войн уже перенаселения. С этой книжкой в моей революционной биографии связано очень много.

О. Пятников. Снимок сделан в 1902 г. в киешской тюрьме.

Случайно попадавшая мне в руки революционная литература, еще больше сама жизнь очень рано связала меня с революционным движением. Я слышал о хороших зная бедность, нищету, голод, слезы, выслушиванию, все, чем характеризовалась жизнь рабочих и трудящихся того времени. И мы, я и мои сверстники, незаметно включались в революционное движение. Когда через наш город вели политические арестованных или в наш город приезжали высланные под надзор полиции, то мы им помогали всем, чем могли.

Мне вспоминается одна довольно тяжелая эпизод, который произошел лично со мной товарищем.

Будучи уже связанным с «Искрой», я привез однажды в Ковно из заграницы незначительную литературу. Это было примерно в 1901 г. Нематериальная литература, особенно иностранная, была самой большой ценностью для партийных организаций того времени. Я привнес в гости к товарищу, который должен был эту литературу отравить в Петербург и Москву. Но швейцар меня предупредил о засаде жандармов, которые ожидали в номере, где жила товарищу. Не зная, насколько велика была провала, я попытался прийти к своему сверстнику, но товарищу. Он не участвовал в движении, но когда я ему сказал, что нужно перевести в настоящее место литературу, он немедленно оставил работу и пошел со мной. Он был арестован, и совсем случайно, Подвода, которую он нанял для литературы, была с жандармчиком. Когда подвода вошла в город Вильнюс, она наткнулась на своего сверстника. Последний незадолго перед этим издал кричал, предупреждающий жандармов о колдовальниках (только жареными обманывали жандармов, как это было и у меня).

Арестовали собственно не жандармчика с подводой, и Рогут мог бы спокойно уйти, как это сделала его супруга. Но он побоялся за литературу и поехал поехать в участок. Там полагали задерживать жандармчика, как это было и у меня. В скором времени мы изучили сообщение, что Рогут пошел в колдовальную тюрьму. Мы этому сообщению не поверили. Позже, когда я сам узнал в этой тюрьме, я узнал, что Рогут там подвергался несомненным пыткам и в итоге, приключил видение пыток. Арест и смерть из-за меня товарища, который не был членом революционной организации, произвели на меня очень тяжелые впечатления. Еще до смерти Рогута я очень долго колебался, пойти ли мне к жандармам и заглянуть о его невиновности или не пойти. Мне тогда было только семнадцать лет, что его все равно не освободят, а меня заберут. От этого безраздумного поступка меня удержало лишь то, что у меня осталась часть литературы, которую несомненно было проследить за мной в Ковно представителю «Искры» и потерял связь с «Искрой».

В этом эпизоде меня больше всего поразило то, что Рогут, не участвовавший в революционном движении, несмотря на пытки не выдал меня товарища, который все время сидел с ним, своей жизнью отомстит за товарища. Этот случай укрепил меня еще больше на позиции революционера.

Е. Стасова.
С ним и
в 1899 г.

Е. СТАСОВА

Классики

Начал я читать в пяти лет, когда мне подарил «Бабушкины сказки». Книга была моя первая книга. Читал ее, не отрываясь, и даже прятался с ней под стол, чтобы мне никто не мешал.

Далние вспоминаются романы Валентер-Свута. Они заинтересовывали не только своей фантазией, но и исторической стороной — описанием средневековья.

Из русских авторов я начал читать очень рано Тургенева, Толстого (особенно «Детство и отрочество», «Война и мир» и «Анна Каренина»), а также «Обрыв» Гончарова. Читал Лермонтова («Герой нашего времени») и Некрасова.

Этих авторов мы все в семье читали и перечитывали и знали так хорошо, что при вопросах, в каком произведении героиня идет ночью на балконы и лунные лучи отражаются на блюдаче или откуда это: только легкой прах вылетел над обрывом? — мы безошибочно называли и автора и произведение и могли толком же процитировать целый отрывок из этого произведения.

У Тургенева я больше всего любил «Накануне», «Рудин», «Дворянское гнездо». В этих романах меня привлекали характеры героев, шедшие против моральных и иных устоев старого общества. Странно было меня окончание «Дворянского гнезда» — поступки Алим в монастыре. Вера из «Обрыва» валава меня и себе своим независимым характером.

Очень любил я рассказы Короленко, «Записки из мертвого дома», Достоевского, «Из мира отшедших», Мельникова: «Полесские старухи» и «Знамя Голубовых» Щергина; любил романы Ожешко («Над Неманом»). Запомню читал по-французски Виктора Гюго («93-й год», «Отверженные», «Угрюм-Кай», Шатлево). Это «Один в поле не воин» читал в оригинале. Одновременно читал и переводы (оригинала читать нельзя было) сочинения Ассаса. Я сочувствовал главному герою романа «Один в поле не воин» — Ассасу, которого, как известно, и избавила Шиньяль. По мненью по-французски, будущий доктор, романист коммунист Андрей Лео. Эти романы и читала вотькому от своих родителей, эти книжки были из их библиотеки.

Очевидно, этот большой прочитанный материал толкнул меня к изучению литературной критики: Белинского, Писарева и Добролюбова.

Статьи Добролюбова «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» заставили странно много переудать и переувидеть, так же как и знаменитые статьи Белинского о Щегле, Мартынов и других.

Пробавлялось в это же время я прочитал «Андрей Кожухов» Стеньки Кравчицкого. Этот роман повлиял на меня очень большое впечатление. Он был моим первым учебником по вопросам конспиративной революционной работы.

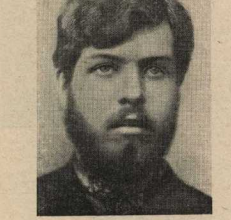
Очень много авторов перечитывалась мной и в зрелые годы. Поэтому трудно в настоящее время отделить те впечатления, которые налагались впоследствии, от первых впечатлений и настроений. Но и сейчас я не могу без волнения читать «Ассас» Королько и его же «В дурном обществе» и «Сон Макара».

Читая эти произведения, рисуюне неограниченную экспансию и заботность «нородцев», испытывающую необыкновенную радость при соизнании того, что у нас все это отходило в феодальное прошлое. А одновременно еще больше усиливается ненависть к учителям во всем мире и готовности бороться с ними под знаменем Ленина — Сталина.

3 Пала Лавров (1847—1914) — революционер, блестящий публицист.

п. ЛЕПЕШИНСКИЙ

Что рассказал мне Гоголь

П. Лепешинский,
в бытность его студентом Петербургского
университета.

В детстве и в первые гимназические годы я как и многие подростки читался Майн-Ридом и Фенимором Купером. Я очень трудно переживал переходный возраст, от 14 до 15 лет. Оставшись на второй год в третьем классе гимназии, и попал в руки своего дяди, человека злого и грубого. «Воспитываю» меня, он нередко прибегал к поркам. Он всячески старался подвинуть во мне челове-

ческое достоинство. И мне казалось иногда, что я не человек, а марионетный леший звереныш. Это шло, конечно, от Купера и Майн-Рида.

После гимназии мне попался истрепанный томик «Мертвых душ» Гоголя. Представьте мое восхищение! Передо мной раскрывался истинный, неизменный мир. Жизнь, полная идей и красок. То, чего не могли дать ни Майн-Рид, ни Купер. Я почувствовала, что я человек, что я много выше всех этих Нодаровых, Пашонских, Собольевичей и могу вместе с Гоголем смеяться над ними. Это было настоящим моим возрождением. И впечатление, произведенное «Мертвыми душами», сохранилось на всю жизнь. С Гоголем я полюбила всех русских классиков.

Несколько позже я натолкнулась на книжку Мордовцева¹ «Знамена времени». Это старая, забытая теперь книжка. Но для меня она в то время была настоящим откровением. В этом действительном мире, который я впервые почувствовала после Гоголя, я увидела новых людей, возродивших в жизнь под гнетом нищеты, времени, нищеты и отчаяния. Это заставило меня обратиться к первоисточнику этих новых идей, новых общественных брожений. Я познакомилась со статьями Добролюбова («Темное царство») и Писарева («Бываров»). Писарев на некоторое время стал моим кумиром.

¹ Д. А. Мордовцев (1836—1905) — белогорский историк, бывший в своем роде рядовой народнической интеллигенции.

В Петербургский университет я уехала по всей бугарской миссии. Я ничего еще не знала о программе и целях борьбы. В университете я познакомилась с сочинениями Чернышевского. Чернышевский открыл мне идею социализма. Его первоочередную работу «Основания политической экономии» Милля я студировала, что называется, от корки до корки. Чернышевский вывел меня из симпатии к Писареву. Писарев не знал народа и в слове обиды призывал к прогрессу опираясь не на силу массы, а исключительно на умных одиночек, которые, на его взгляд, могли изменить ход истории. Несоответственность его идей была для меня после знакомства с Чернышевским особенно ясна.

Во время работы над Чернышевским я прочитала его роман «Что делать?». Этот роман произвел на меня неограниченное впечатление.

Героини «Что делать?», особенно Раيمетовны, увлекались очень многие молодые революционеры того времени. Старались подражать им, подходить так или иначе, быть такими же твердыми, как честные, подлинными революционными людьми, как Раиметов, Кирсанов, Ангулов и Вера Павловна... Я и сейчас рекомендую этот роман молодежи.

После университета, в смысле и в часах арестованная на последнем курсе) я была вплотную знакома с революционными марксистами. На этот период уже была не юношеским...

Ф. ЛЕНГИК

Писатели, которых запрещали

Ф. Ленгик,
Симок 1899 г.

То, что я буду описывать, происходило около пятидесяти лет назад.

80-е годы, эпоха царствования туголого, ограниченного самодержца Александра III — это одна из самых тяжелых и мрачных эпох в жизни народов бывшей России. Государственная власть находилась в руках таких необыкновенно жестоких и пренебрежительных в своей политике министров, как Победоносцев, Толстой, Делянов и др. Демократическая печать была подавлена или вовсе уничтожена. Лучшие люди страны находились в далекой ссылке, тем же самым в страшных казематах Штассельбургской и Петропавловской крепостей.

Не было большего преступления, чем если кто-нибудь попадался с томами Чернышевского, Добролюбова или Белинского или, тем более, с революционной брошюрой заграничного

происхождения. Его исключали немедленно, без права поступления куда бы то ни было на работу или на учебу и ссылали «куда Макар тебят не пошла»...

И все же несмотря на это жизнь бурлила. В школе, где я учился (Украина), царствовал тот же дух российского держиморды. Украинский и еврейский и всякий другой язык, кроме русского, были страшнейшим запрещением, хотя 95% всех учащихся были украинцами и евреями. Учителя были в большинстве отчаянные черносотенцы, и антисемитизм, именованный буйваровым входил в программу преподавания. Без учета да по адресу евреев не обходился почти ни один урок. Однажды из пятого класса был исключен один скромный еврейский мальчик. Исключая за то, что в своем сочинении «Как я проваж каникулы» он рассказал, что с восхищением читал Белинского и Добролюбова. Это происшествие произвело на всех нас совершенно ошеломляющее впечатление. Многие из нас впервые тогда узнали, что существуют запрещенные писатели, как Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Салтыков и др. Достать эти писателей было чрезвычайно трудно, но мы начали их доставать и читать сперва наедине, а потом и в тайных кружках.

Меня в то время особенно интересовал вопрос о преследовании евреев. В городе, где я учился, в январе 80-го года был организован черносотенцами с помощью полиции еврейский

погром, жуткие подробности которого мы узнали от наших товарищей евреев. Возмущаясь и эти ужаснейшие факты, мне захотелось узнать, как следует правильно относиться к национальному и религиозному вопросу. Спросить об этом никак нельзя было. Составивший случай натолкнул меня на несекундную литературу по этому вопросу. Достать ее было много легче, чем само русское, а немецкий язык я знала, так как умю урожденный немец.

Я прочитала книгу Ассенинга¹ «Наташ Мудрой». Конечно, с точки зрения марксизма, трактовка интересовавшего меня вопроса у Ассенинга не выдерживает научной критики. Но по отношению к окружающему нас тогда почти такому зоологическому антисемитизму слова «Наташ Мудрой» звучали обвинительным приговором.

Громадное впечатление произвела на меня и на моих товарищей в юности другой великий немец, Генрих Гейне. Его замечательное революционное стихотворение «Глянь останется в памяти на всю жизнь. Тебя теет саван всему миру. Он вылетает в этот свавн тройное проклятие—богу, царю и аристократической родне, где царствует стыл и попор бесприсутствия, где миним уладает цыток полевой и корчится тельским червяк гробовой. Мы тем, неустыжно мы тем».

Так светочи русской и мировой литературы освещали нам путь борьбы за праведную революцию, за дело партии Ленина—Сталина.

¹ Ассенинг, Готтвальд Фридрих (1729—1781) — знаменитый немецкий писатель.

Тарас Галоненко.

„К матерям — обедать!“

НОВЫЕ РАБОТЫ МОЛОДЫХ ЖИВОПИСЦЕВ

Мы воспроизводим картины двух молодых живописцев, выдвигающиеся серьезным подходом к важнейшей проблеме советской женщины — социалистическому реализму. Федор Антонов, несколько лет находившийся под сильным влиянием формалистов, за последние годы дал ряд значительных реалистических произведений. Его фундаментальная работа «Отдых колхозной молодежи» (снимок внизу) передает содружью, содержательную жизнь молодых колхозников. Кар-

тина показывает яркие, характерные типы деревенских комсомольцев, умеющих хорошо работать и культурно отдыхать.

В другом разрезе раскрывается колхозная деревня в картине Галоненко «К матерям — обедать!» (снимок сверху). Художником взят эпизод из нового бытия колхоза — приезд детей в поля, к матерям, в момент уборки урожая. Прекрасно переданы солнечный, золотой пейзаж и радостные лица колхозниц-матерей.

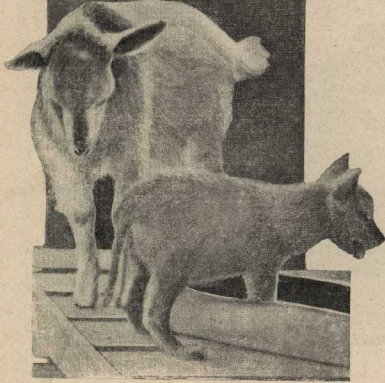

Федор Антонов.

„Отдых колхозной молодежи!“

Необычайное вообще зверей

Очерк профессора Мантейфеля, фото Е. Леонова

...Исконные враги — волчонок и хозяин живут дружно.

ляет хвостом. Нависши, лисцим набирают полные рта мяса и бегом бегут с ним назад и вперед, как бы не зная, куда деться его. Волки не утерят, чтобы не стобать в такой лисцим корм. Легкими, грациозными прыжками претраждают они ей дорогу и ударом носа лонко вышибают мясо из зубов жадной лисцим. Нередко последний улетит в критический момент вскопичить на почти отвесную стену и спрятаться от преследования в лазунове оного.

Завладев всей коромушкой, медведь отмигивает лапками от барсуков, спотов и вообще более слабых зверей, с которыми он только что играл. Лишь волчица по калчке «Дитка», багдаторой в известной мере и держится вообще гордо на этой площадке, осмеливается с вымывающим видом встать против «Мишки-крошки». Этого часто бывает довольно, чтобы «Крошка», отступив на поаметра, позволила взять волчице то, что она забрела; но случается и так, что медведь отступит только после нескольких молниеносных укусов в плечо.

Никто никогда не пытается отнять корм у барсуков, которые едят, нависши на коромушку всем корпусом, как бы защищая от возможного нападения.

Быстро насыщаются уссурийские споты, подтащив свои порции поближе к нормам. При малейшем погущении кого-либо из сожителей они скрываются в подземелье, сердито калкая оттуда на врага.

Порлоком в этой своеобразной колонии является от того, что каждый зверь еще «слабее» привык к индивидуальным особенностям своим сотоварищей и в различных обстоятельствах стал держать себя по-разному, не переходя известных границ. В этом, в сущности, и заключается основа мирного сосуществования зверей. Там залюмму лисцим, которая не смеет смотреть на волка, гремящего

Интересно наблюдать за площадкой молодянка на новой территории Московского зоопарка. Здесь еще только устанавливаются сложные взаимоотношения между волчатами, дингами австралийскими собаками — динго, уссурийскими спотами, лисцими, шакаллями, медведями, азиатскими волками и в.р.

Играя в споты, молодые звери развивают ловкость и спорность. Они привыкают удерживать от неожиданных увеселых медвежьих олеухов, цепких кошачьих когтей, острых волчьих лапков... Они начинают даже по самым неуловимым признакам угадывать настроение своих сотоварищей; легкое подергивание хвоста лисцим заставляла сейчас же прекратить с ним игру внезапных динго, головатых волчат и, наоборот, без, ничего не замечаящего вообще медвежонка.

Все способности звериной обостряются, и многие скрытые признаки, остающиеся у одиночек без тренировки неравными, незамеченными, становятся в сообществе явными, общеданными. Звери, как говорят посетители Зоопарка, «становятся всему обученными», хотя «обучала» их лишь та разнообразная живая среда, живительная проявление которой бесконечно разнообразна.

Полная молодянка в Зоопарке всегда окружена живой людской стеной: отсюда долго не уходит ни дети, ни взрослые. Там фабрика нарастающих и шароудерживающихся разнообразных особенностей (рефлексов) животных.

Но не менее интересна и другая группа животных Зоопарка, воспитавшаяся в прошлом, 1934 году на второй же полные молодянка.

Эта группа живет сейчас своеобразной, вполне сложившейся жизнью на обширном выгуде для рвом, так называемом «Острове зверей». Для волка, бурый медведь, три барсука, пять уссурийских спотов и семь лисцим. Мы же вмешиваемся во внутреннюю жизнь этого своеобразного сообщества. Служащие Зоопарка раздают лишь в определенные часы корм и убирают площадку. Никому может показаться, что звери живут мирно лишь потому, что они всегда сыты. Это неверно, так как в той группе, как и в всех других, бы-

вает в шестидневку один голодный день, когда звери возбуждены. Однако иногда низкие агрессивные действия ни с чьей стороны заметить не удавалось.

Здесь установилась своя навика, выработавшаяся с раннего возраста.

Ни одна лисцим, например, и не посмотрит, как волк разрывает кусок мяса, прижав его передними лапками к земле. Пробегая мимо волка, лисцим иногда даже приветливо пови-

...Зиной, в сильнейший голод, «Мишка-Крошка» и его приятель барсук вместе устривали себе берлогу.

ность, вернется с ним перемеряться, когда он наелся. Рыжий ферганский «Волчок» покорно дождется, свернувшись клубком, когда его приятель лис сердито начинает капать в его ухо. В ту же секунду лисица выбирается на «Волчка» и, укрывшись хвостом, спит как на теплом диване.

Зимой, в сильнейшие холода, «Мишка-крошка» и его приятель барсук, одиноково страдали от мороза, вместе таскали в конуру подстилку. «Мишка» не церемонился при этом со слабейшими и забирал себе солому, сгоняя с нее лисицу и енота. Волчица «Дитка» проголодавшись ночью, когда медведь попоробовал осторожно отгнать подстилку из-под нее. Косясь на лампу, «Мишка» отошла и остановилась около лисицы, зеленые недобрые глазки и прикатые уши которой ясно говорили, что и она ни за что не уступит соломы... Дав лисице подзатыльник, «Крошка» сгреб солому в охапку и потащила ее к барсучку. Тот прилежал солому и заботливо расстелил в логове, где потом всю зиму и медведь и барсук, тесно прижавшись, мирно дремали, оберегая от мороза главным образом голые подошвы ног. Сейчас часто можно наблюдать, как барсучки, енотки и лисицы цыцкают и с видом наследственным выискивают у волков или медведя блаз. От влишнего старания они захватывают иногда и кожу. Волчица тогда визжит и добродушно щелкает в воздухе зубами.

У одной енотки была в глухойой норе дети. Все звери с большим любопытством поглядывали в логово, но мать дальше звезда никого не пускала.

Самые веселые и игривые в этой звериной компании—барсучки. Они готовы часами играть с медведем, а он, развалясь на спине и действуя лапами как рутами, тискает курчавоизгибающиеся полостатые жирные приятеля. Иногда сила медвежьих обхватов переходит допустимую границу, о чем можно догадаться по стрепочущим толкам барсучков. Их часто вырывает тогда волчица «Дитка», задавая «Мишке-крошке» небольшую трепку.

Но «Дитка» и сама непроч поглядеть. Как большая собака со щенком, повисает она с лисицами и барсучками, а иногда и с угрюмыми еловками. Можно видеть, как кокетливо, пособачьи, покусывает она «Мишку-крошку», когда тот, охватив ее за ворот медведя лапами, поднимает и носит ее как человек. Иной раз оживленно охватывает всю площадку, и на ней разворачивается нечто, напоминающее игру в прятки или в салки.

Если посмотреть попристальней, то нетрудно заметить, что нет в этом сообществе ни

одной лисицы, енотки или какого-нибудь другого зверя, возложив друг на друга внешним видом или характером. В противоположность смелой и приветливой серой подмоховой волчице «Дитке» рыжий ферганский волк «Волчок» всегда присматривается перед тем, кто уходит далеко за себя, и не упускает случая отнять корм у слабейших и робких. Интересно можно видеть, как дружно нападали все звери на очень назального медведя (он был временно поселен в их помещении), если тот обижал кого-либо. Лишь «Волчок» не принимал участия в этих нападениях, а после подлизывался к медведю, валялся перед ним на спине и заискивающе валил подпатыми хвостом. Сильно удивлялось охотник, глядя на эту разностороннюю компанию. Он казался равным, что та-

кое сожителство возможно лишь в сказках. Но человек может вполне изменить отношения животны, создавая новые, казалось бы, самые невозможные сообщества. Мы занимаемся сейчас лановой перестройкой природы, переселяя животны из одной области СССР в другие, создаем совершенно новые «коллективы» зверей.

Московский зоопарк является большой лабораторией, в которой изучается животный мир.

Это изучение направлено к тому, чтобы перестроить природу, всецело подчинить ее человеку.

Жизнь и нравы «Острова зверей» — наглядная иллюстрация тех успехов, которых добился Зоопарк к сегодняшнему дню.

«Мишка-крошка» играет с волчицей «Диткой».

ДЕВУШКЕ

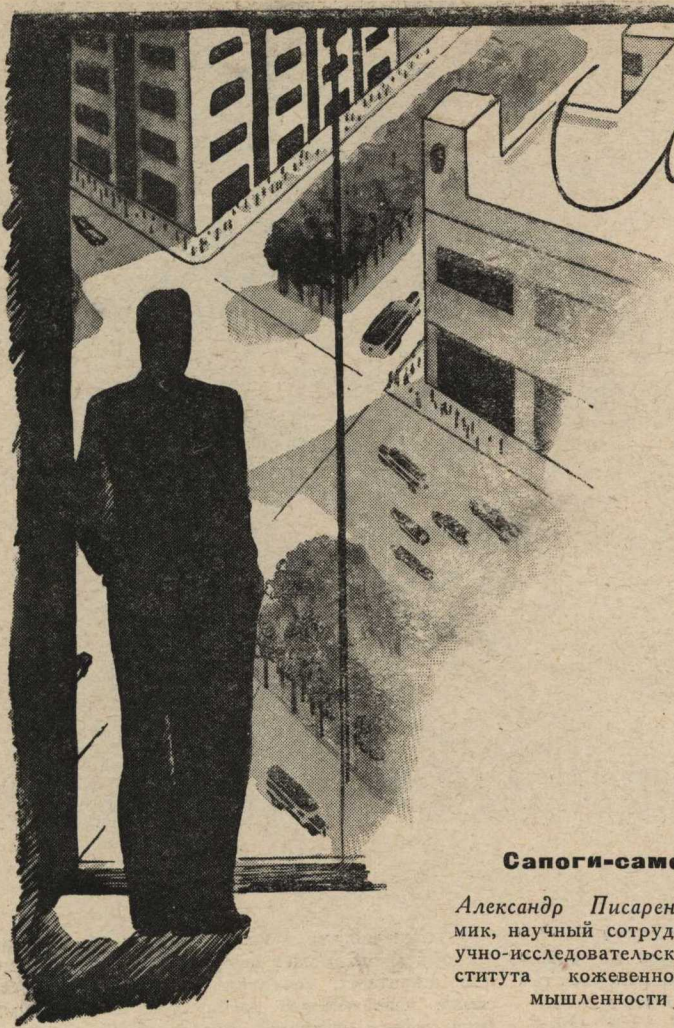
Стихотворение И. Стrogанова

Твоим щекам не облететь,
Не развинтит вовек румянда,
Твоим губам не облететь,
Под поцелуями не смяться.
Не замочат любовь в речах,
Не охладят в рукопожатьях...
...Сменялась на твоих плечах
Костюм парашютистки,
Платье,
Спецовка,
Майка
Или пижама.
В цеху,
На воздухе,
В бассейне —
Ты не проносишь в тишине
За завальескою кисейной!
Ты так румяна и нежна
И пылака юношеским ласкам,
Нет,
Ты не токарь,
Ты княжна

Из иллюстраций к русским сказкам...
Веселый бег твоих кривей
Стремительнее бега тока!
Ты вся в работе,
Вся в любви —
Товарищ,
Человек
И токарь.
Своей любовью
И трудом —
Пример ты
Кулаком
И тетерям.
Как хорошо,
Что цех — твой дом,
А не салон
Или не терем!
Не нуара
На твоих лице —
Загар здоровья,
Смелый,
Ветря,

И жизнь твоя, как на реде,
И взгляд любимой
Метит в цель
До самой точки миллиметра.
Как не писать тебе одной
Открыток каждый летний вечер?
Как не стеречь у прохлялой,
Как не желать с тобою встречи,
Чтоб прочно,
Как кавчик ножкам,
Ладонь отдать ладоням узким!
Ведь ты
Как воздух мне нужна,
Как ток «ДЕССАНТУ»¹ перед пуском...
Крепка в труде,
В любви проста,
Нет, ты живая,
Ты не та,
Что мне приснилась в сказках русские...

¹ Отрезной станок.

Здания социализма

Иосиф Миньков, архитектор проектировочной мастерской № 5 проф. Фридмана

Моя архитектурная работа непосредственно связана с осуществлением генерального плана реконструкции Москвы. Сейчас вместе с профессором Фридманом я работаю над проектом застройки реконструируемой, одеваемой в гранит Котельнической набережной.

В течение ближайших трех лет над гладью нового асфальтированного проспекта, пролегающего вдоль гранитной набережной, поднимутся многоэтажные, красиво архитектурно оформленные дома. Это будет единый архитектурный комплекс, разрешенный в плане освоения классических стилей эпохи Возрождения. В задачу нашей мастерской входит проектирование Дома врача. Это здание будет выстроено в стиле классика архитектуры Палладио.

Я мечтаю еще работать над проектированием одной из новых магистралей (жилые объекты). Меня привлекает здесь разнообразие архитектурных задач, возможность изобретать, творить, идти своими, новыми путями.

Реконструкция той или иной улицы предполагает и постройку новых домов и освоение старых. Это задача чрезвычайно интересная и сложная. Надо суметь использовать наследие прошлого в свете новых архитектурных задач. Меня весьма привлекает работа над внутренней организацией жилого дома (всего в целом и каждой жилой ячейки в отдельности).

Шертобы и ПЛАНЫ

Рис. П. Клеттенберг

полный ассортимент такой обуви, вплоть до изящных дамских туфель. И мы уже получили отзывы о высоком качестве новой советской подошвы. По весу она почти в два раза легче кожаной и существующей резиновой (пара микроподошвы весит 150 граммов, пара монолитной резиновой — до 280 граммов). По прочности и крепости микроподошва также превосходит монолитную и кожаную подошвы. Это настоящие советские «сапоги-самоходы»!

Интересно отметить, что нам удалось получить и цветную микроподошву. Это имеет огромное значение для производства цветной изящной обуви.

Какие у меня планы на ближайшее будущее? Поработать, прежде всего, над уменьшением количества каучука в резиновой микроподошве и, главное, обеспечить переход с натурального каучука на синтетический. Есть еще мечта — написать научный теоретический труд о резине, о процессах ее производства и обработки. До сих пор мы работаем исключительно на основе опытных данных.

Сапоги-самоходы

Александр Писаренко, химик, научный сотрудник Научно-исследовательского института кожевенной промышленности

Институт, в котором я работаю недавно, разрешил очень серьезную задачу — получение микропористой подошвы. Резиновая подошва очень широко применяется у нас и заслуженно пользуется успехом. Она хорошо сопротивляется истираемости, может быть любой толщины. «Гопография» подошвы дает возможность усиливать (делать более прочными) места, подверженные большой носке, и т. д.

Но у резиновой подошвы есть и серьезные недостатки: большой вес, плохая воздухопроницаемость, большая теплопроводность (летом жарко, зимой холодно).

Устранению этих недостатков я и посвятил свою работу в Институте.

За границей применяется подошва из чистого, натурального, невулканизированного каучука. Такая подошва дорога и быстро «расшлепывается» (деформируется).

Задача моя и группы научных работников состояла в том, чтобы получить резину, обладающую порами. Для наглядности можно сравнить ее с губкой. Однако у губки слишком большие поры, и они замкнуты. Нам же необходимо было получить систему сообщающихся пор, дать возможность резине дышать. Для этой цели на основе предварительных теоретических работ мы вводили в резину вещества, разлагающиеся при вулканизации и образующие газы. Эти газы, выходя из резинового вещества, и образовывали систему микроскопических каналов. Так мы добились получения микропористой резины для подошвы.

Уже сейчас работники различных квалификаций: почталыоны, спортсмены и др. — носят опытную обувь на нашей подошве.

Фабрика Института изготовила

ных работ к «Свадьбе» явятся этюды, пейзажи, портреты конкретных людей — элементы будущего полотна. В «Свадьбе» мне хочется показать и молодого человека нашей эпохи и мудрую старость.

Бодрость, жизнерадостность, величие эпохи — вот общий колорит будущей картины. Конкретного места «Свадьбы» я еще не определил. Однако уже сейчас ясно, что я «выйду» из помещения в природу. Зеленый, цветы, поля займут значительное место в картине.

Опоясать Москву зеленым кольцом

Сергей Ижевский, ботаник, научный сотрудник Московского ботанического сада

Работа ботаника получила сейчас новые, неожиданные направления: он стал художником, педагогом, вторгся в области медицины и архитектуры, пришел в цехи заводов и на улицы городов.

Мы сейчас напряженно ищем сорта цветов и растений (а их у нас в саду более 5 тысяч) для самого различного применения. Возьмите больничный сад. Естественно, что здесь нужен не такой «букет» цветов и растений, как в школьном саду. Но и для больничных садов мы не делаем стандарта. Цветной набор будет различен для санатория, где находятся выздоравливающие, и для больницы, где лечатся люди с пониженной психикой. Если в первое место можно дать веселые, яркие цветы, то во второе пойдут уже спокойные, «умиротворяющие» цветы и растения по расцветке, и по характеру листьев, и по общему строению. Подбирая цветы для школ, мы учитываем возрастную состав детворы.

Внедрение в быт новых видов цветов заставило нас пересмотреть богатства сада, флору страны. Особое внимание мы уделили дикорастущим, выходящим, высокорастущим травам. Очень хороши дикорастущие лианы, амурский дикий виноград: он не только декоративен, но и приносит съедобные плоды, вызревающие в наших условиях. Сахалинская гречиха, вырастающая за сезон до 3—4 метров, вполне может заменить многолетние кустарники.

Даже из этих кратких замечаний видно, как обширна и благодарна сейчас работа ботаника. Отсюда и мои мечтания. Цветы и растения для парков, больниц, школ, дворов, улиц города, цветы для украшения демонстраций!

А сейчас в связи с утвержденным правительством планом генеральной реконструкции Москвы передо мной вырисовывается новая грандиозная задача: я приму участие в организации лесопарков, которые опоясат город цветущей зеленью (так называемая 10-километровая зона).

Картина „Свадьба“

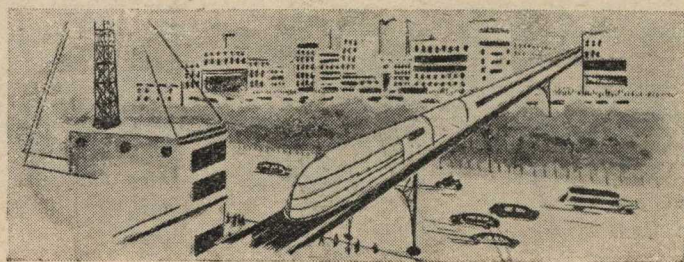
Федор Антонов, художник

„Любовь“, «Выходной день», «На отдых» мои живописные работы последних лет. Все они посвящены нашей рабочей и колхозной молодежи. Это не случайная тема. Наша молодежь несет в себе все черты современности, в ее жизнерадостном настоящем мы видим и облик нашего будущего. Ближайшие годы я буду работать над рядом живописных полотен, в которых постараюсь отразить богатство чувств и мыслей своего поколения. Большое внимание я уделю мастерству и поэтому работать буду достаточно длительно.

Я задумал сложную по композиции картину «Свадьба». Хочу написать ее к 20-летию Октября. Но сначала нужно сделать несколько подготовительных работ.

Сейчас я начинаю писать портреты физкультурников. Не только чемпионов. Меня интересует типичный облик советского физкультурника. Но я не обойду и наших рекордсменов. Братья Знаменские весьма привлекают кисти художника своей силой, пластичностью движений, разработанностью мышц, своим общим обликом.

Второй серией подготовитель-

„Куда ты деньги деваешь?“

В № 6 «Смены» было помещено письмо Алексея Митрофанова, озаглавленное так: «Куда ты деньги деваешь?» Этот вопрос задал автору письма его приятель, когда пришел к нему в гости и увидел неприглядную обстановку, в которой жил тов. Митрофанов.

У тов. Митрофанова, как и у всякого квалифицированного молодого рабочего, приличный заработок, но беда в том, что он не умеет им распоряжаться.

Письма наших читателей подтверждают, что неумение строить свой бюджет, безрассудное швыряние деньгами — распространенное явление среди определенной части молодежи.

Товарищи делают правильный вывод, что нужно бережливо относиться к трудовому рублю, умело и рационально строить личный бюджет, борясь тем самым за повышение своего культурного уровня.

ВОПРОС, НАД КОТОРЫМ Я ЗАДУМАЛСЯ

Вопрос о правильном расходовании своих средств является одним из самых больших вопросов для холостяцкой молодежи.

Я холостяк. Комсомолец. Зарабатываю 300 рублей в месяц. Коммунальными услугами (квартирой, отоплением, освещением) пользуюсь бесплатно.

На что же у меня уходят деньги? Вот мой примерный расчет: на обеды и ужины в столовую — 76 руб.; завтраки и вечерний чай я организую дома, это стоит рублей 80 (покупка хлеба, колбасы, масла, сыра и других продуктов). Рублей 40—50 уходит на выплату членских взносов и вычеты. На книги я трачу совсем незначительную сумму. За последние три месяца (май, июнь и июль) я обогатил свою библиотеку только тремя дешевойстоющими книгами: «Человек меняет кожу» Ясенского, «Я люблю» Авдеевко и «Мертвые души» Гоголя. Таким образом, у меня ежемесячно могли бы оставаться деньги для покупки одежды, обуви, для сбережения. Но вот уже четыре месяца, как я собираюсь купить себе пару летних и пару весенних ботинок, хорошее кепи, и не могу это сделать из-за нехватки средств.

Выйдешь, примерно, вечером с товарищем в парк, зайдешь в буфет, возьмешь конфет, другой раз квасу, пива, папирос, мороженого и т. д. На все это как будто бы уходят гроши, но вот из этих грошей складываются десятки, сотни рублей.

Нередко бывает, когда квасу или пива берешь не одну кружку, а несколько, папирос не по 35 или 65 коп. за пачку, а за 1 р. 50 к. — 3 рубля. Конфеты берешь какие подороже. Я уже не считаю денег, которые уходят на выпивки...

А ведь от этих расходов можно вполне воздержаться или, во всяком случае, намного сократить их. А выпивки вообще не к лицу культурному пролетарию.

Прочитав в «Смене» письмо тов. Митрофанова, я решил поступать так: после полочки оставлять в кармане лишь ту сумму, которая необходима на прожиточный минимум. Оставшиеся же деньги я буду вносить на сберкнижку.

НАУМ НЕЙМАРК

Воскресенский цементный комбинат «Красный строитель».

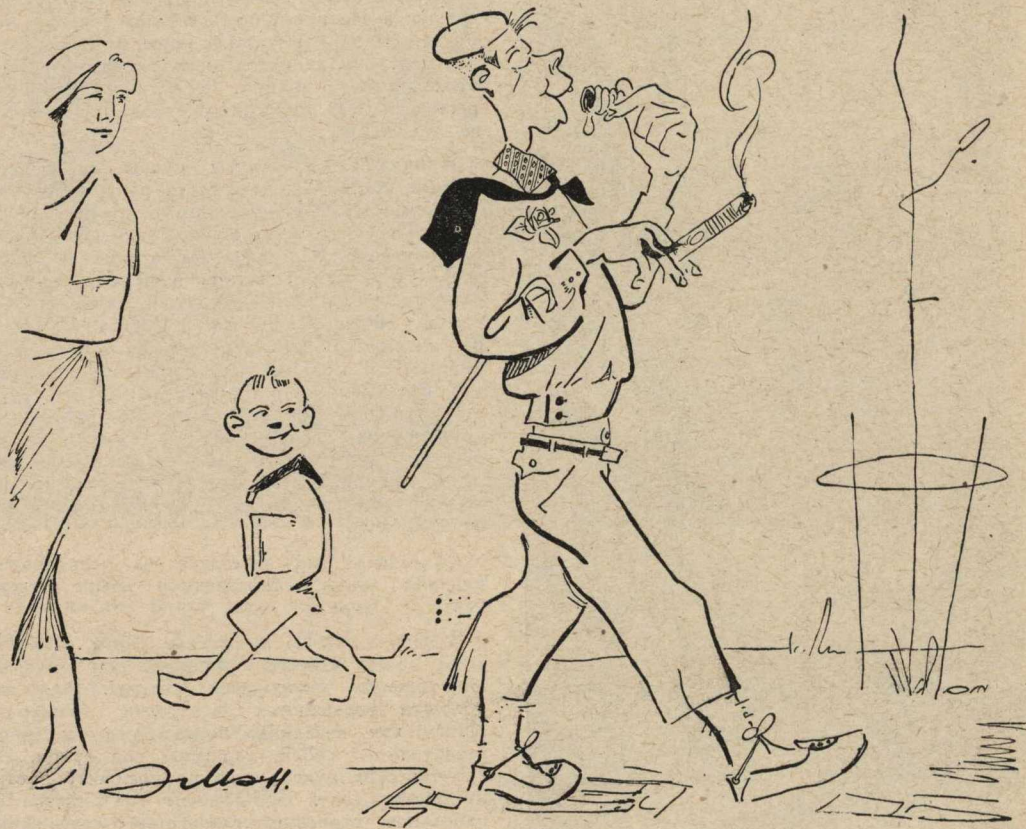
ПОЧЕМУ СЕСТРА ЖИВЕТ ЛУЧШЕ

Статья «Куда ты деньги деваешь?» Ал. Митрофанова в «Смене» № 6 меня до некоторой степени обрадовала.

Я знаю теперь, что не только я один так безобразно использую свой заработок.

Я получил зарплату за полмесяца — 132 рубля. Купил папирос за 3 рубля. По пути домой съел мороженое. Клюквенную давно не пробовал — выпил. Дурак, думаю, напротив же пивом торгуют, куда лучше! Зря клюквенную

Рисунок художника К. Эмен (Курск)

„Роскошная жизнь“.

пил. И, как бы поправляя свою ошибку, пью пиво.

Вечером иду в кино. Билеты 1 р. 70 к., 1 р. 40 к. и 1 рубль. Что значит 1 руб. и 1 р. 70 к., когда деньги есть?

Беру за 1 р. 70 копеек.

На другой день отдаю долги. Тов. С. — 10 руб., сестре — 3 руб., в буфет — 18 р. 40 к. (последние три дня буфетчица записывала за мной по 6 руб. ежедневно в связи с появлением клубники и черешни). И еще подсчитываю расходы за вчерашний день: папиросы — 3 руб., пиво — 80 коп., клюквенная — 28 коп., мороженое — 60 коп., кино — 1 р. 70 к. и опять тут же ситро — 60 коп. и шоколадная плитка — 6 рублей. Итого 44 р. 47 к., да галстук купил черный — 10 рублей. Всего получается 54 р. 47 к., осталось от всей полочки 77 р. 53 копейки.

На другой день в «Кавказской обуви» покупаю чуваки на резиновой подошве, плачу 40 рублей. Сестра тоже купила чуваки, но за 28 руб. и на кожаной подошве. Где, спрашиваю, брала? Там-то и там-то, отвечает. Бегу и беру за 28 рублей. На резиновой подошве бросил, кожу на кожаной.

Я живу с сестрой. Она получает 140 руб. в месяц, я — 300 рублей. У нее приличные платья и туфли. К тому же она заплатила за свет и квартиру. У нее еще есть деньги для приобретения книг.

У меня же черный галстук и кавказская обувь, а денег нет.

Поносил галстук и пошлепав в «кавказской обуви», скажешь — нет! Так жить нельзя! И я вполне одобряю «Смену», что подметила она эту расхлябанность среди нашей молодежи, это неумение дорожить своим трудовым рублем.

С сегодняшнего дня я первый берегу не только рубль, но и копейку!

К. ЭМЕН

Курск, типография газеты «Курская правда».

НУЖНО УЧИТЫВАТЬ СВОИ РАСХОДЫ

Я работаю в Днепропетровске, на одном из заводов. Получаю в месяц в среднем 400 рублей. На моем иждивении мать-старушка.

А собственность моя такова: костюм годичной давности, небольшая библиотека (600 книг), фотоаппарат, часы и другие мелочи. Я задал себе вопрос: почему другие, зарабатывающие меньше, имеют больше вещей и лучшего качества? У них, например, по несколько костюмов и белье лишнее есть.

Я стал записывать все мелочи. Сначала это плохо удавалось, но постепенно я втянулся в это занятие. Имею учет за два квартала. И картина получается такая.

I квартал: Завтраки — 77 р. 65 к. Папиросы — 117 р. 45 к. Кино — 73 р. 40 к. Театр — 54 р. 00 к. Вечеринки — 45 р. 00 к. Литература — 25 р. 00 к.

Такая картина меня крайне возмутила. Я стал обвинять себя в расточительности. И во II квартале добился уже некоторого перелома в своих расходах.

Завтраки — 103 р. 72 к. Папиросы — 87 р. 00 к. Кино — 65 р. 90 к. Театр — 87 р. 00 к.

Вечеринки выпали совсем.

Литературу покупать не бросаю, хотя в этом квартале уменьшение на 3 рубля. Как видите, дело идет на исправление.

Когда я смотрю на цифру выкуренных папирос (4775 штук), меня просто тошнит, так и хочется поклясться, что больше курить не буду. А таких «мелочей» очень много. От них нужно или совсем отказаться или максимально снизить расход на них за счет вещей более полезных.

КАМИГРИШАНСКИЙ

Днепропетровск.

РЕДКИЕ КНИГИ

Очерк Ю. НЕЙМАН

„География повсюдная“ петровского времени.

Шкафы назывались «нулевыми», у них не было порядкового номера. Книги ставили сюда с тем, чтобы их никто не читал. Время от времени жандармский полковник наведывался в этот дальний уголок Румянцевской библиотеки: на месте ли крамольные экземпляры?

Сюда как в тюрьму запирали книги русских, живших за границей. На полках пылились статьи и романы Герцена. Тетрадки «Колокола» жались друг к другу. Позднее «нулевые» пополнились комплектами «Искры», женевскими изданиями Ленина, брошюрами. Брошюры печатались на бумаге, напоминавшей папиросную.

В 1917 г. «нулевые» шкафы занумеровали, «запрещенные» книги вошли в общий состав библиотеки. Тогда она называлась «Библиотекой Румянцевского музея».

Николай Петрович Румянцев, екатерининский вельможа, меценат и просвещеннейший человек своего времени, был любителем книжных редкостей. В числе 28 тысяч томов его разнообразной библиотеки оказалось 104 первопечатных книги. Кроме первопечатных книг-инкунабулов — Румянцев собирал произведения знаменитых типографских фирм Дидо и Бодони, а также богато иллюстрированные издания.

У древней книги облик характерный и запоминающийся. В этой характерности эпоха сказывается с особой силой.

Перед нами огромные фолианты, переплетенные в пергамент, — инкунабулы. Они тяжелы как мудрость, заключенная в них. Обрывок ржавой цепи, свисающий с побуревшего корешка, говорит о времени, когда книги предусмотрительно приковывались к стенам первых библиотек.

Инкунабулы похожи на своих близких предков — на толстые пергаменты, исписанные неторопливыми перьями монахов. Неизменный язык этих книг — латынь. Авторы трактуют

предметы «возвышенные» и темные. Вот рассуждение Иоанна Шпиховера «о зачатии непорочной девы Марии», изданное в Страсбурге в 1475 г. Подлинным средневековым веет от этих желтых страниц, поблекший текст которых оживлен тонкими рисунками неизвестного художника.

Инициалы — начальные буквы — в первопечатных книгах выполнены от руки красками и золотом. Это плод высокого и зрелого мастерства. Переписчик-художник еще не вытеснен окончательно типографским станком. Он борется. Мрачная страница этой борьбы — история первой русской печатной книги, «Апостола» Ивана Федорова и Петра Мстиславца, экземпляр которой хранится в Ленинской библиотеке. Больше года трудились печатники над изданием этой книги. В 1564 г. «Апостол» увидел свет. Но тогда же издатели его принуждены были бежать из России. Первая русская типография была разгромлена и сожжена разъяренной толпой. Толпу подстрекали переписчики, у которых типографский станок отбивал хлеб.

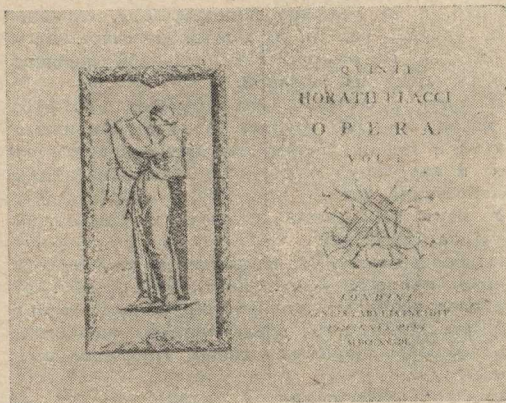
«Апостол» был отпечатан на церковно-славянском языке, единственном языке русских книг до Петра I.

В начале XVIII в. русские книги резко меняют облик. Вместе с боярами они сбрасывают тяжелые, негнувшиеся одежды. Их серые обложки украшаются нехитрыми гравюрами. Книги эти невелики, портативны, их можно захватить с собой, держать под рукой. Это практические руководства по военному и строительному делу. Это — «новое голландское корабельное строение, глашающее совершенное чинение корабля». Это «повсюдная география», расширяющая горизонты москвитя. Это, наконец, — пособие «хорошего тона», учтивости, «политесса».

При Петре I начала выходить первая русская газета «Санкт-Петербургские ведомости». В витрине отдела редких книг выставлен один из ее экземпляров с обращением к «куриозным» читателям. Не следует думать, что это обращение содержит в себе нечто оскорбительное. Слово «куриозный» значило тогда «любопытный».

Западные книги того времени по внешнему своему виду резко отличны от русских. XVIII век на Западе — век богатого переплета.

...Они хранились в резных шкафах просторных кабинетов. Книги для немногих. Их переплетали так, чтобы прикосновение к ним доставляло наслаждение изнеженным пальцам владельцев. Красный сафьян и тисненная кожа изукрашены золотом как парадные камзолы. Книги эти не столько читали, сколько любовались ими как статуей или картиной. Среди них есть неповторимые, единственные экземпляры — уникумы.

Горацій. Издание с гравированным текстом.

Производство таких книг исчезло вместе с их потребителем. Развитие капитализма требовало иной книги — книги многотиражной, для широкого сбыта, для рынка. «Индивидуальность» книги стирается. Уникумы приобретают характер типографских курьезов.

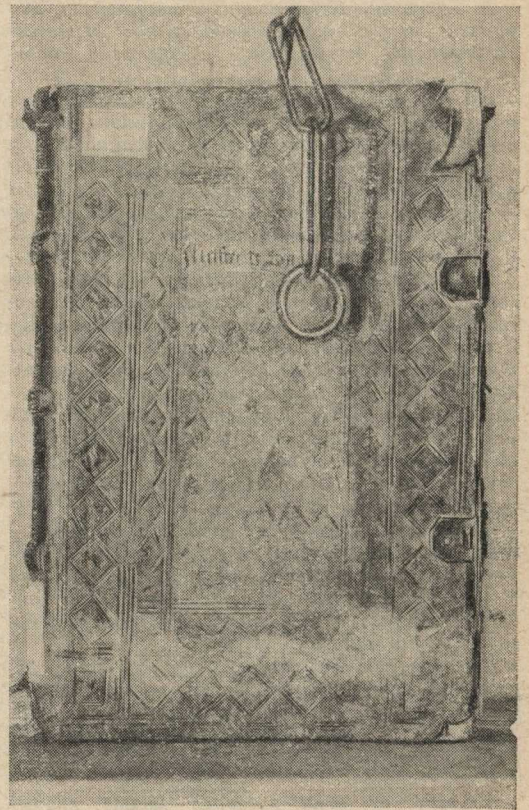
Вот «Описание С.-Петербурга», изданное на розовой бумаге только в двух экземплярах. Оба экземпляра находятся в «отделе редких книг». Цель издания неизвестна. Возможно, что книга была поднесена какому-нибудь высокопоставленному лицу.

«Курьезы» хранятся в отдельном шкафу. В числе их высокое произведение типографского искусства — латинский Горацій, в котором гравированы не только иллюстрации, но и текст.

Очень любопытен шелковый часослов, вытканый в Лионе в 1886 г. Эта книга — одновременно молитвенник и образец, рекламирующий лионскую шелковую промышленность.

К типографским «курьезам» можно отнести издание Пушкина на толстой, ватманской бумаге, поступившее из частной коллекции Остроухова. Шесть томов непомерной толщины загромождают полку просторного шкафа. Трудно сказать, какие цели преследовал в данном случае издатель. Книги эти не только неудобны, но и некрасивы.

То же собрание книг Остроухова одарило Ленинскую библиотеку экземплярами, действительно редкими и ценными. Небольшие эти

Инкунабул (первопечатная книга).

книжки не блещут особыми типографскими достоинствами, переплеты их скромны и непримечательны. Это — первое издание «Евгения Онегина». «Онегин» выходил тетрадами. На обложке каждой тетради пометка: «Продается у Сленина, цена — 5 рублей, с пересылкой — 6».

«Отдел редких книг» посещают читатели немногочисленные, но внимательные.

Художники-иллюстраторы подолгу рассматривают тонкие гравюры и заставки «эльзевиров».

Театральные художники изучают рисунки старинных костюмов и мебели.

Разнообразие шрифтов и переплетов представляет особый интерес для работников книги, для тех, кто создает ее внешнюю оболочку.

Литераторов интересует другое. Они перелистывают тонкие, пожелтевшие страницы газет. Их занимают книги, некогда хранившиеся в «нулевых» шкафах.

В этих книгах прощупывается подлинный путь прошедшей эпохи.

СТЕПНАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ

Оборонные песни у нас, к сожалению, часто сухи и мало эмоциональны, и живут недолго.

Мы стремились создать лирическую оборонную песню, песню, насквозь проникнутую чувством любви трудового народа к своей родине. Насколько это удалось, судить не нам.

Мы работали вместе. Текст возник одновременно с мелодией. Такое сотрудничество композитора и поэта — одно из важнейших условий создания хорошей песни.

Мы часто слышим «Полюшко» на стадионах, на улицах, в поездах.

Это для нас лучшая награда.

ВИКТОР ГУСЕВ,
ЛЕВ КНИППЕР.

Полюшко-поле (ды),
Полюшко, широкое поле.
Едут (ы) по полю герои,
Эх-да Красной армии герои.

(Эх) Девушки плачут (ы),
Девушкам сегодня грустно.
Милый (ды) надолго уехал,
Эх-да милый в армию уехал.

(Эх) Девушки, гляньте (ды),
Гляньте на дорогу нашу,
Вьется (ды) дальняя дорога,
Эх-да развеселая дорога.

(Эх) Едем мы, едем (ды),
Едем, а кругом колхозы,
Наши (ды), девушки, колхозы,
Эх-да молодые наши села.

(Эх) Только мы видим (ды),
Видим мы седую тучу,
Вражья (ды) злоба из-за леса,
Эх-да вражья злоба, словно туча.

(Эх) Девушки, гляньте (ды),
Мы врага принять готовы,
Наши (ды) кони быстроноги,
Эх-да наши танки быстроходны.

(Эх) В небе за тучей (ды)
Грозные следят пилоты,
Быстро (ды) плавают подлодки,
Эх-да зорко смотрит Ворошилов.

(Эх) Пусть же в колхозе (ды)
Дружная кипит работа,
Мы (ы) дозорные сегодня,
Эх-да мы сегодня часовые.

(Эх) Девушки, гляньте (ды),
Девушки, утрите слезы.
Пусть (ды) сильнее грянет песня,
Эх-да наша песня боевая.

(Эх) Полюшко-поле (ды),
Полюшко, зелено поле,
Едут (ды) по полю герои,
Эх-да Красной армии герои.

Текст ВИКТОРА ГУСЕВА

Муз. ЛЬВА КНИППЕРА

В темпе походного марша.

Подголосок

Хор

Ф-п.

для повторения

для окончания

*) Исполненно подголоска не обязательна.
М. 1455

*) Первые три куплета идут с этим сопровождением.

НА ДЖОНКЕ ВОКРУГ СВЕТА

Ил. БАШМАШНИКОВ

Интересное путешествие совершают два молодых француза — Бишоф и Татибуэ.

Корреспонденции о двух смельчаках регулярно печатаются в парижской газете «Журналь». Молодые люди решили совершить на парусном судне кругосветное путешествие.

Задумано — сделано. Бишоф и Татибуэ снаряжают небольшую парусную джонку и с первым попутным ветром выходят в открытое море.

Это было два года назад. Путешествие началось от берегов Китая.

В начале океан встретил смельчаков приветливо. Попутный ветер быстро гнал вперед джонку. Огромной чайкой, слегка накренившись, стала она по океанской глади.

Бишоф и Татибуэ попеременно вставали на вахту. Их курс лежал на Каролинские острова, расположенные в Тихом океане, примерно на середине пути между Азией и Австралией. Другим надо было пройти несколько тысяч миль, ежеминутно рискуя попасть в шторм или сбиться с курса, ибо навигационное оборудование джонки было далеко от совершенства.

Иногда встречались большие океанские пароходы. Одинокая джонка вызвала неопишемое удивление пассажиров. Обычно друзей принимали за остатки команды потерпевшего кораблекрушения судна и предлагали им помощь. Но Бишоф и Татибуэ гордо кричали в рупор, что они всего лишь скромные путешественники, и, словно демонстрируя свое искусство судовождения, на полных парусах ложились на противоположный пароходу курс.

Так проходило плавание в течение многих дней. Океан был на диво спокоен, и только неизменно палившее солнце и начавшие иссякать запасы воды причиняли Бишофу и Татибуэ некоторое беспокойство. К тому же часть взятой с собой провизии испортилась от страшной жары. Все это заставляло их все чаще подумывать о том, как бы скорее достигнуть суши.

Их желание сбылось, но совершенно не так, как они того хотели. Недалеко от Каролинских островов их застигла буря. Угловое суденышко представляло слишком слабое орудие для борьбы с разбушевавшейся стихией. Прежде всего, путешественники убрали парус, так как

их могло опрокинуть вверх дном. Джонка то вставала на дыбы, то носом ныряла в кипящую пучину.

Промокшие до нитки, Бишоф и Татибуэ были совершенно лишены возможности управлять своим судном. Лишь бы только очередная волна не смыла их за борт! Они с трудом различали друг друга в крошечной темноте, изредка пытаясь перекричать рев ветра, чтобы подбодриться.

Неожиданно впереди выросла темная громада берега. С грохотом разбивались о прибрежные скалы волны. Джонку, потерявшую рулевое управление, несло на рифы. Против ожидания, сильного удара не было. Риф, заостренный как нож, мягко — по килю — разрезал джонку. Бишоф и Татибуэ моментально очутились в воде.

О спасении чего-либо с джонки не могло быть и речи. Друзья находились в полной власти волн, больно швырявших их о прибрежные камни. Избитые и окровавленные, они были, наконец, выброшены на берег.

...Друзья не унывали. После долгих мытарств и тревожений они возвратились в Китай и сразу же приступили к снаряжению новой джонки.

Когда все приготовления были закончены и печальные воспоминания о первой неудаче отступили в тень перед страстным желанием новых приключений, Бишоф и Татибуэ подняли парус и, шутя и улыбаясь, отправились в путь.

Дальше события разворачиваются в типичном стиле морских приключенческих рассказов.

Ничего не подозревавшие смельчаки приближались к острову Формоза, находящемуся недалеко от Японии. Безмятежный покой путешественников нарушала лишь двухмачтовая джонка, неотступно следовавшая за ними в отдалении. Это непонятное преследование заставило, наконец, друзей насторожиться. Невольно в голову закрадывалась мысль о пиратах.

Как ни странно звучит в наше время сообщение о пиратах, такие все же имеются в действительности. Пиратствовать уходят рыбаки, доведенные до отчаяния жесточайшей эксплуатацией, разорившиеся фермеры и др.

Расстояние между преследователями и преследуемыми стремительно сокращалось. Друзья молча переглянулись и достали лежавшие на дне джонки под грудой вещей новенькие парабеллюмы.

— Кажется, — уныло сказал один, — мы понались...

Когда пиратская джонка приблизилась настолько, что они уже могли различить около двух десятков суровых физиономий, у них отпала всякая охота стрелять. Борьба вдвоем против 20 человек не имела смысла. Друзья тихо выбросили в воду пистолеты.

По всем правилам пиратского искусства джонка французов была взята на бордаж: пиратское судно пристало к ней борт о борт. Татибуэ с Бишофом в два счета были перетащены на ее палубу. Несколько человек перепрыгнули на джонку и перерыли там все вещи. Более или менее ценное отобрали, французов связали и посадили на корме.

На глазах друзей их джонка со всем скрабом была пущена пиратами на дно. Затем их высадили на берег и раздели. Бишоф и Татибуэ остались, что называется, в чем мать родила.

Хочоха над собой, два совершенно голых, но не унывающих человека поспешно уходили от берега. Через час они достигли прибрежной рыбацкой деревни. Первый человек, которого они встретили, был представитель местной полиции. Отнюдь не триумфальное шествие наших путешественников закончилось в полицейском участке: французов заподозрили в шпионаже.

Естественно, что у голых людей не оказалось при себе документов. Так как за границей баз ОПТЭ не имеется, Бишоф и Татибуэ этапным порядком были высланы с Формозы.

С поразительной настойчивостью юные путешественники в третий раз снаряжают джонку.

Теперь они надеялись во что бы то ни стало достигнуть Австралии, сохранив в целостности себя и джонку. Они не давали друг другу унывать.

Плавание продолжалось.

Они прошли Тиморское море, находящееся между Тиморскими островами и Австралией и знаменитое тем, что оно буквально кишит акулами. Эти морские хищники мрачным эскортом сопровождали джонку, вызывая у Бишофа и Татибуэ самые страшные предчувствия.

Опасность, однако, ждала их не здесь. Когда они вышли из Тиморского моря, направляясь к югу Австралии, джонка, как на зло, снова попала в шторм.

Десять дней носились Бишоф и Татибуэ по воле волн, мучаясь от жажды, голода и невыносимой жары. Их подобрал норвежский пароход, случайно уклонившийся от своего прямого курса. Можно себе представить, с какой жадностью набросились спасенные на воду и пищу. Но едва был утолен голод, жажда приключений вновь овладела ими.

С помощью норвежской команды они поставили новые мачты и парус на изрядно потрепанной джонке, захватили с собой воду и провизию и смело отправились в дальнейший путь, не вникая никаким уговорам и благожелательным советам.

Друзья решили отправиться к Новой Гвинее, в главный ее порт Моресби. Но словно злой рок преследовал молодых французов: уже в виду Моресби, когда цель была так близка, неожиданным порывом ветра сломало мачту и джонку унесло в открытое море.

Несколько часов бесцельно блуждали путешественники в море, пока их не прибило к юго-восточной части острова Новой Гвинее, населенной почти исключительно папуасами. История повторилась: благодаря ветру и сильному прибою джонку выбросило на берег.

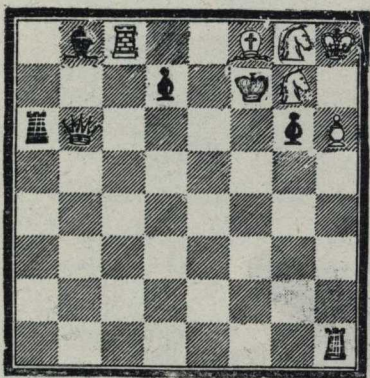
7 месяцев прожили здесь Бишоф и Татибуэ, питаясь молоком кокосовых орехов и ракушками. Все свое время они тратили на ремонт джонки, используя имевшийся в их распоряжении примитивный плотницкий инструмент.

Недавно Бишоф и Татибуэ прибыли на своем судне в порт Моресби. Сейчас они разрабатывают дальнейший маршрут путешествия: Бишоф и Татибуэ хотят посетить некоторые группы тихоокеанских островов, пройти мимо мыса Горн из Тихого океана в Атлантический, пересечь Атлантику и достигнуть берегов Франции.

ШАХМАТЫ

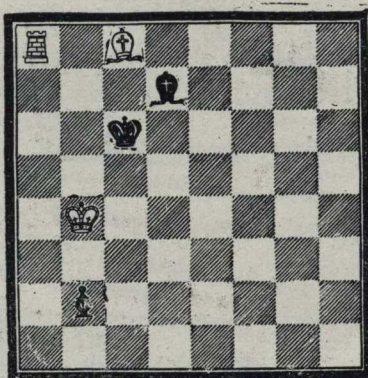
под редакцией Л. ГУГЕЛЯ

Задача № 5
А. Кузнецова (Москва)
(Печатается впервые)

Белые, начиная, дают мат в 2 хода.

Этюд № 3
И. Зверса (Рига)
(Из иностранной печати)

Белые, начиная, делают ничью.

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны (вместе с решениями) в октябрьском номере «Смены».

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОММЕНТАРИЙ

Одно из лучших средств для поднятия шахматной квалификации—внимательный разбор партий, иггранных сильными игроками. И Ласкер и Капабланка в своих учебниках шахматной игры советуют молодому шахматисту анализировать партии других, более сильных игроков, вдумываясь в каждый ход, стараясь раскрыть все планы и комбинации разбираемой партии.

Присоединяясь к этому совету, мы приглашаем наших читателей составить комментарии (примечания) к помещенной ниже партии. Не вдаваясь в элементарные подробности, комментарии в то же время должны содержать оценку дебютной части

партии, наиболее важных ходов и замыслов, должны четко показать, что привело черных к проигрышу, и т. д.

На составление примечаний дается месячный срок, после чего жюри под председательством мастера Верлинского даст оценку всем присланным комментариям и выделит лучшие из них для премирования.

Три лучшие комментария будут премированы. В числе премий: шахматы с художественно оформленной доской, шахматные часы, новейшая шахматная и художественная литература.

ПАРТИЯ ДЛЯ КОММЕНТИРОВАНИЯ

1. e2—c4 e7—e6; 2. d2—d4 d7—d5; 3. Kb1—c3 Kg8—f6; 4. Ce1—g5 Cf8—e7; 5. Kgl—f3 0—0; 6. e2—e3 b7—b6; 7. Cf1—d3 Cc8—b7; 8. 0—0 Kb8—d7; 9. Fd1—c2 h7—h6; 10. Cg5—f6 Kd7—f6; 11. c4 : d5 Cb7 : d5; 12. e3—e4 Cd5—b7; 13. e4—e5 Kf6—d5; 14. Cd3—e4 La8—c8; 15. a2—a3 c7—c5; 16. d4—c5

Ac8—c5; 17. La1—d1 Fd8—a8; 18. Fe2—d2 Af8—d8; 19. Ke3—e2 Kd5—c3; 20. Ce4 : b7 Fa8 : b7; 21. Fd2 : d8 + Ce7 : d8; 22. A : d8 + Kpg8—h7; 23. Ke2 : c3 Fb7—e7; 24. Af1—d1 Ae5—c7; 25. Ad8—d4 Fe7—e8; 26. Kf3—d2 Fe8—e7; 27. Kd2—e4 h6—h5; 28. h2—h4 Kph7—h6; 29. g2—g3 Fe7—e8; 30. Ad4—d8 Fe8—c6; 31. Ke4—g5 Kph6—g6; 32. Kc3—e2. Черные сдались.

РЕШЕНИЯ

(«Смена» № 6 за июнь 1935 г.)

Задача № 2. Шинкмана (белые: Кра8, Фе5, Сс8, п. d7 и h5; черные: Крf7, п. h6.2X).

1. Фе5—с7!

После первого хода белых в распоряжении черного короля 6 свободных полей. Но ни на одном из них он не находит спасения от мата на втором ходу.

Судя по отзывам, большинству наших читателей эта задача, принадлежащая одному из величайших проблемистов конца прошлого и начала нынешнего столетия, чрезвычайно понравилась. Между прочим она является своеобразным рекордом: ни в одной миниатюре (т. е. задаче с количеством фигур не свыше семи) черный король не пользовался большей свободой чем в этой.

Этюд № 2. Айзенштата (белые: Крe1, Ah1, Cb1 и c1; черные: Краб, Cf6 и f7, Kб7, п. h4. Белые выигрывают).

Для достижения выигрыша белые должны выиграть одного из черных слонов. Но сразу играть 1. Ah1—f1 нельзя из-за ответа Cf6—c3+. А поэтому:

1. Cb1—d3+ Краб—b6

Если 1... Кра5, то 2. Cd2+ и 3. Af1, пользуясь тем, что белый король закрыт от шахов чернополюного слона противника.

2. Ce1—d3+ Крб6—7

3. 0—0! выигрывает одного из черных слонов.

По недосмотру корректуры на диаграмме был пропущен черный конь на b7, вследствие чего, как правильно указал ряд читателей, этюд приобрел несколько самых «прозрачных» побочных решений.

РЕШЕНИЯ ЗАГАДОК ЮМОРЕСКИ «В СПЕШКЕ»

Первая из помещенных двух позиций легко преодолена большинством участников конкурса.

Действительно, после хода черных Ac4—c3? белые отвечают Kb5—d4! и следующим ходом объявляют мат. Таким образом, белый конь оказывается сильнее ладьи и пешек противника.

Значительно труднее оказалась вторая позиция. Большинство читателей пробовало достигнуть выигрыша ходами 1.g2—g4, 1.Kp15—e5 и т. д., но убеждалось, что такими путями выигрыша белыми не добиться.

Побеждают черные—таков вывод почти всех участников конкурса.

Мало кто задумался над тем, какой же был последний ход черных. Между тем именно в этом ключ к правильному решению. Действительно, не требуется больших усилий, чтобы определить, что последним ходом черных могло быть только продвижение черной пешки с g7 на g5. А коли так, то:

1. h5 : g6

Это так называемое «взятие на проходе»—правильно, о котором не должен забывать ни один шахматист.

1. ... f7:g6+

2. Kp15 : g6 — и черный слон не в силах справиться с двумя белыми пешками. Одна из них неминуемо проходит в ферзи.

Фамилии читателей, приславших верные решения этих задач, будут напечатаны в следующем номере «Смены».

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ-ШУТКИ

(«Смена» № 4 за 1935 г.)

1. Kf4—d5 Kpd4:d3

2. 0—0—0X!

В последнем ходе белых заключен весь «секрет» этой задачи. Решил ее много наших читатели. Даем фамилии тех,

кто ранее других прислал решения: Я. С. Семенов (Москва), Б. Резник (Ленинград), А. Савельев (Кузбасс), В. Костина и А. Ефимов (г. Кемь, Карелия), Е. П. Зубков (Москва), В. Бодманов (Конотоп), Д. Г. Ромко (Ленинград), И. Деновцев (Москва), Г. Е. Бойко (Минск), Е. Верле (Керчь), пионер

Вова Курлаев (Спасск, Московской области), И. Бергштрессер (Ленинград), С. Андрушков (Ленинград), Хамча (ст. Джусалы, Каз. АССР), Ж. Басилашвили (Тифлис), Н. И. Рыжаев (Кимры), С. Вавкиров (Краснокамск, Свердловской области), Я. В. Осолово (с. Вилулово, Омской области), С. Я. Ошеров (Почеп, Западной области), Б. В. Доброжанский, Н. Малинин (Москва), Е. Б. Алексеев (дер. Минино, Московской области), Г. Стамбола (Новоукраинка), В. Новиков (Москва), С. Мельниченко (ст. Хадабулак, Забайкальской железной дороги).

Отв. редактор В. ВЕЛЬМИН.

Отв. секретарь М. ГОЛЬДБЕРГ
Оформление номера В. УРИНА

НА СКЛАДЕ МУЗСЕКТОРА КОГИЗА

ИМЕЕТСЯ БОЛЬШОЙ
ВЫБОР ДЕТСКОЙ
И ШКОЛЬНО-ПИОНЕРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИМЕЮТСЯ:

Н. МЕТЛОВ. Дошкольная площадка. Сборник песен и игр для дошкольников с методическими указаниями для педагогов. Содержание: Детская организация, Оборона, Труд, Новый быт, Природа, Транспорт, Интернациональное восприятие, Игровые, шуточные и плясовые песни и мелодии. Цена 2 р. 25 к.

ПЕСНИ ШКОЛЫ И ОТРЯДА. Выпуск 2-й. Сорок девять школьно-пионерских песен для одноголосного, двухголосного и трех-

голосного хоров с фортепиано. Тексты: русский и украинский. Рассчитана на школы II ступени. Ц. 3 руб.

ПЕСНИ ШКОЛЬНИКА И ПИОНЕРА. Для одноголосного и двухголосного хоров с фортепиано. Премирована Наркомпросом РСФСР и ЦК Комсомола. Ц. 50 коп.

СБОРНИК 12 ПЕСЕН с ритмическим оформлением. Рассчитан на школы I и II ступени. Степень трудности каждой песни указана в оглавлении. Ц. 1 руб. 75 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ по адресам „НОТЫ-ПОЧТОЙ“

ВЛАДИВОСТОК, Ленинская, 43.
ВОРОНЕЖ, пр. Революции, 52, Нотный магазин КОГИЗА № 9.
ГОРЬКИЙ, Свердловская, 9.
ГРОЗНЫЙ, пр. Революции, 11.
ИВАНОВО, ул. Красной армии, 2/4.
КАЗАНЬ, ул. Баумана, 74.
КИЕВ, ул. Свердлова 16.
КРАСНОДАР, Красная, 23.
КУЙБЫШЕВ, Ленинградская, 53.
ЛЕНИНГРАД, 11 пр. 25 Октября, 50.
МИНСК, Ленинская, 15.
МОСКВА, центр, Неглинная, 14.
МОСКВА, центр, ул. Горького, 28, магазин № 1 МОГИЗ
НОВОЧЕРКАССК, Московская ул., Книгоцентр.
ОДЕССА, ул. Лассалы, 27.
ПЯТИГОРСК, Советский просп., 36.
РОСТОВ НА ДОНУ, ул. Энгельса, 102.
РЫБИНСК, пр. Ленина, 26, ОГИЗ, Нотный отдел.
САРАТОВ, пр. Революции, 9, Книгоцентр.
СВЕРДЛОВСК, ул. Малышева, 31/1.
ТАГАНРОГ, ул. Ленина, 56.
ХАРЬКОВ, ул. 1 Мая, 5.
ЛОСЛАВЛЬ, Комсомольская, 5.

Заказы исполняются наложенным платежом.

Сдано в набор 19/VII—35 г., подписано к печати 16/VIII—35 г.

Изд. № 740. Формат 72 × 110 см. 1 1/2 б. л. 166.948 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б — 8963.

Изд. № 1669.

Тир. 30 000.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

ЦЕНА 60 КОП.

ОТПУСК в КРЫМУ
ФОТО-ЭТЮД В. ШАХОВСКОГО